

18+

Максим Сонин

СТУПАЕТ СЛОН

Феминизм — это модно,
феминизм — это классно

Максим Константинович Сонин

Ступает слон

Серия «Виноваты звезды»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422014
Ступает слон. Роман: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-145576-7*

Аннотация

Марусе шестнадцать лет, она живет в Москве и поддерживает радфем. Каникулы она планирует провести в Хельсинки со своей подругой по переписке, но по дороге ей нужно остановиться в Санкт-Петербурге – посмотреть музеи и передать известной французской критикессе стопку книг от тети-редакторки. Всего два дня в городе, а потом Маруся сможет наконец увидеть Мари... Вот только в Питере Марусю ждет нераскрытое убийство, дверь, исписанная граффити, и знакомство, которое может навсегда изменить ее жизнь...

Содержание

0	5
1	7
2	17
3	23
4	35
5	48
6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Максим
Константинович Сонин**
Ступает слон
Роман

* * *

© Максим Сонин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Когда-то я обещала подруге Овсянке, что, если мне когда-нибудь будет угрожать опасность, я обязательно напишу об этом в своем дневнике. Смешно. Сейчас мне угрожает опасность, но никакого смысла в том, чтобы писать имена тех, кто мне угрожает, здесь нет, потому что вряд ли этот дневник когда-нибудь будет издан. Я отделю его от остальных своих бумаг и передам Кентавру вместе с некоторыми другими вещами. Весь этот процесс описан в моем завещании – юрист уверяет, что его будет невозможно оспорить. Довольно грустно, что в таком возрасте мне уже пришлось составить завещание и проконсультироваться с юристом. Но все к лучшему – и мне все равно приятно, что Кентавр и Овсянка вернулись в Париж, и в эти дни, мои последние, мы можем быть вместе.

Мы снова живем втроем так же, как и раньше. Над квартирой витает дух М., но Кентавр и Овсянка не пускают его в квартиру. Я чувствую, как сгущаются тучи, и не могу ничего с этим поделать. Я не знаю, как именно я умру. Вернее, не знаю, как именно меня убьют. Я вижу нож для писем, который иногда крутит в руке Овсянка. Я замечаю, как смотрит в мою сторону Кентавр. Я знаю, что М. примеряется к моей груди, когда я сплю. Я умру, но я не знаю, откуда явится смерть. Что напишут на моей могиле?

Эмилия Е.О.

1930–1966

Умерла. Жаль.

Из «Е. О. 0. VIII», 2020, стр. 103.

Я подняла взгляд от книги, и оказалось, что напротив меня сел парень болезненно гетеросексуальной наружности. На нем были плотные черные штаны, футболка с застиранной надписью «СЕВЕР» и куртка-ветровка. Между раздвинутых коленей он поставил черную сумку, в которой что-то неприятно звякнуло. Я постаралась отвернуться к окну плавно, чтобы он не ощутил никакой демонстративности в этом жесте. Мне просто не хотелось на него смотреть.

Перрон за окном все никак не хотел прийти в движение – мимо поезда шли люди с чемоданами, пронесся маленький мальчик с бумажным флажком в руке. Я поправила наушники и снова слышала голос Мари. Мне давно надо было купить новые наушники, но я все время об этом забывала, поэтому теперь приходилось постоянно поправлять провод, иначе звук пропадал.

«Face – это музыкальное будущее, – говорила Мари у меня в ухе. – Пусси со гуд – это фем. слоган, который в песне про суицид выступает рефреном. Face говорит, что хочет умереть, ждет смерти, но единственное, что удерживает его в этом мире, – это любовь к женищине. Да, она выступает в роли сексуального объекта, такого эротического Иисуса, который пришел, чтобы тебя спасти и трахнуть. Но Face очень точно отражает то, как в этом спасении участ-

вует традиционная система мужского доминирования. Он говорит о том, как „она“ не может достаться никому, кроме него, включая в диалог других мужчин, точно так же, как христианство опирается на ереси и „неверных“ для того, чтобы утвердиться в собственном превосходстве. Он понимает, что без других мужчин не сможет установить отношения с женщиной и сохнет. И наоборот, он понимает, что без женщины не сможет установить отношения с мужчинами, потому что тогда они не будут считать его за своего».

А ведь она собиралась рассказать мне о том, как украсила гостевую комнату к моему приезду... Но это, вообще, стандартная ситуация – Мари бывает трудно удержаться от монолога, а я не возражаю, потому что никто, кроме нее, не станет объяснять мне всю глубину феминистского посыла в творчестве Фэйса. Моя подруга Таня – единственная другая женщина, с которой я обсуждаю феминизм, – вообще не слушает русскую музыку.

Мари замолчала, и я посмотрела на экран телефона. Телеграм опять глючил и отказывался проигрывать следующее аудиосообщение. Я нажала на фиолетовый треугольник, и Мари снова ожила:

*«„Это Face, это Face, это Face, я;
Это Face, это Face, это Face, я;
Я кончал ей на face, прям на face, да!
Это Face, это Face, это Face, я!“*

Он ведь поет о том, что женщина здесь выступает лишь зеркалом для него самого. „Face“ не значит „Лицо“, „Face“ значит „Я“, „Себя“. Он поет „Я кончал ей на себя“. То есть не на „нее“, а при помощи „нее“. Это довольно тонко. То есть Face, конечно, не профеминист, в том смысле, что права женщин его не волнуют. Но он профеминист в том смысле, что честно и точно передает суть гетеросексуальных отношений».

Я покивала, соглашаясь с ней. Русский рэп и вправду вызывает у меня ровно то же отвращение, что и патриархальные отношения – в этом Мари была права. Мари снова замолчала, и я включила экран телефона. Оказалось, что сообщения закончились.

Иногда мне казалось, что она специально записывает мне демOVERсии своих мыслей, чтобы я продолжала поддерживать с ней диалог. Вот сейчас мне очень хотелось спросить ее о сути гетеросексуальных отношений, потому что мне всегда нравились ее развернутые метафоры. Я потянулась, в который раз удивленно думая о том, что впервые выезжаю из России одна. Надо было написать маме и тете, но я медлила, потому что медлил поезд. К тому же мама могла мне отзвониться, а разговор с ней сейчас совершенно испортил бы ощущение взрослой жизни. Я зевнула, стараясь прикрыть лицо рукавом, чтобы не привлекать к себе внимания, и снова посмотрела на телефон.

Сначала я собиралась записать Мари ответ голосом, но,

глянув на парня на сиденье напротив, передумала. Он был в наушниках, но я не знала, играет ли в них что-то или нет.

«М., – набрала я. – А расскажи, в чем суть гетеросексуальных отношений?»

Вообще-то мне полагалось сейчас не переписываться с Мари, а читать подаренную тетей «Жизнь после самоубийства». Вроде как она могла дать мне хорошее представление о Еве Лисетской, с которой я должна была встретиться в Санкт-Петербурге. Но у меня болела голова, перрон за окном все никак не хотел трогаться, и думать о книге не хотелось совершенно. Вместо этого я пригнулась, потрогала ладонью чемодан под сиденьем. Я очень гордилась тем, как компактно мне удалось запаковать вещи. Всего один чемодан – это очень мало, учитывая, что из Москвы я уезжала почти на две недели.

Я ношу довольно плотные ткани, к тому же с моим ростом любые штаны и кофты занимают примерно в два раза больше места, чем те же вещи моих подруг. И тем не менее я уложилась в один чемодан вполне нормального размера. У меня еще был школьный рюкзак с книгами, но с ним я собиралась расстаться в Питере и в Хельсинки ехать уже с одним чемоданом.

Мари прислала мне аудиосообщение, и я поправила наушник, чтобы его прослушать. Парень на сиденьях напротив поднес телефон к губам и что-то наговаривал, устало глядя по сторонам. Губы у него были сальные, и я снова отверну-

лась к окну.

«*Муся, – Мари заговорила с моей любимой интонацией. Я сразу представила, как будто она обнимает меня, и мы вместе разглядываем дивный гетеросексуальный мир, раскинувшийся далеко у нас под ногами. – Я сейчас кратко-кратко скажу. Суть гетеросексуальных отношений в том, что есть женицины и есть такие подлые палочники в зеленой форме, которые научились притворяться растениями. Им это удастся по двум причинам: во-первых, они не так уж далеко ушли от растений по развитию, а во-вторых, потому что они законодательно запретили женицинам называть себя „палочниками“. И обязали каждую женицину держать дома по кадке с палочником-растением. И каждый вечер этим женицинам приходится насаживаться влагалищем на это растение. Улавливаешь? А это достаточно больно, потому что чаще всего палочники притворяются кактусами, потому что на большее у них просто не хватает воображения».*

Я хихикнула и тут же снова бросила взгляд на парня напротив. Он уже перестал говорить и теперь с еще более уставшим лицом что-то слушал, откинув голову назад и вытянув руки по швам. В этой позе он достаточно напоминал палочника, чтобы я снова отвернулась, только чтобы не рассмеяться.

«Спасибо, – написала я Мари. – Теперь мне все-все понятно».

«! Муся, – то, что Мари отвечала текстом, означало, что она пришла домой и сидит за столом с родителями. – Поезд???»

«Поезд!» – ответила я. Перрон наконец тронулся и поплыл. Из-за рябющей серой плитки голова тут же заболела сильнее, и я поскорее закрыла глаза. Надо было написать маме и тете и можно было попробовать подремать.

Закончив с административной частью моего отъезда из Москвы, я, подумав, написала Тане. Из-за поездки на север я пропускала ее выпускной.

«Удачи! – Таня ответила сразу. – Обязательно потом увидимся».

«Обязательно, – написала я. – Можно будет вас с Анной куда-нибудь сводить?»

Последнее сообщение я перечитала с особенной гордостью. С Таниной девушкой я не общалась, но очень хотела познакомиться поближе. Они обе были на класс старше меня, но если Таня казалась мне старшей близкой подругой, то Ану я воспринимала как человека из какого-то совершенно другого мира.

«Не знаю, – написала Таня. – Я спрошу, но она уедет в конце июня на пару недель. Ты когда возвращаешься?»

«В конце месяца, – написала я. – В тридцатых числах».

«Марусь, тебе семнадцать или тридцать?» – написала Таня. Если бы я была рядом с ней, я бы показала ей язык.

«Я приеду в Москву двадцать восьмого», – написала я,

сверившись со экранами билетов.

«Аны уже не будет, – написала Таня. – Но я буду в Москве, так что можем встретиться)».

«Отлично! – ответила я. – И я тебя еще раз поздравлю с выпуском, обязательно».

Я откинулась на сиденье, осторожно вытянула ноги, которые уже начали затекать. Подошвы моих кроссовок скрылись под сиденьем напротив, справа от черной штанины парня с сумкой. Он поднял лицо на меня, но его взгляд был пустым и скользил, ни за что не цепляясь. Я все равно села ровнее и скрестила руки на груди.

Москва за окном поезда уже стала сливаться в разноцветное полотно, и глаза мгновенно устали смотреть. Голова все еще болела, но укачивающий ритм поезда действовал на меня успокаивающе. Я включила в телефоне плейлист Мари и закрыла глаза.

Когда поезд въехал на Московский вокзал, я уже не спала и даже успела немного устать, потому что разбудил меня звонок тети.

– Муся, – тетя, как всегда, говорила медленно и будто сонно. – Нигде не задерживайся и езжай в гостиницу, хорошо? Самолет Лисетской приземлится через пару часов, и потом еще такси, но хорошо бы, чтобы к ее приезду ты уже расположилась.

– Я знаю, – сказала я. – Я готовилась.

Книжка Лисетской так и осталась в рюкзаке, но я уже открыла в телефоне ее страницу в википедии и как раз собиралась пролистать ее в такси.

– Пожалуйста, – тетя с трудом оформляла явный приказ в просьбу. – Веди себя прилично.

Я не стала ей говорить, что если я такая неприличная, то она могла бы поехать на встречу сама, а вместо этого улыбнулась и сказала в трубку:

– Хорошо, конечно.

Парень с сиденья напротив поднял на меня взгляд и тоже улыбнулся. Я тут же сделала суровое лицо и отвернулась. Не хватало еще, чтобы он попытался ко мне подкатить.

Вообще мальчики в России это что-то с чем-то. Во-первых, сложно общаться с людьми, на которых так сильно давит общество. И я понимаю, что это неправильно – отказываться от общения с какой-то группой людей только потому, что общество решило выделить их в эту группу. Но ведь многие со временем начинают пользоваться своим положением. Свистят в спину на улице, пытаются прижаться в метро, говорят как с ребенком (смешно, учитывая, что я выше многих из них). Это раздражает. И хотя я понимаю, что они такие же жертвы этой системы, как и я, но личное ментальное здоровье для меня все-таки дороже. Краем глаза я увидела, что парень снова уткнулся в телефон, и расслабилась. Надо было почитать про Лисетскую, с которой мне предстояло провести две ночи в соседних номерах.

В русской википедии статья о Лисетской была довольно короткая, поэтому я перешла на французскую.

С фотографии в начале статьи на меня смотрела красивая темноволосая женщина лет пятидесяти. У нее было практически круглое лицо и большие глаза, которые чуть щурились, как будто она забыла надеть очки. Я пролистала вниз до биографии и сразу же заметила несколько знакомых имен. Лисетская родилась в 1940 году в Сливене, в Болгарии, но в конце пятидесятых переехала в Париж и общалась там с разными легендарными личностями. Про Барта, Соллерса и Риффатера я что-то слышала, а вот с Симоной де Бовуар, с которой Лисетская дружила и работала над одной из своих первых книг, я была знакома хорошо. Год назад, когда Женя Мыльников только собиралась открыть в Питере фем-кафе, я проголосовала за название «Симона» в Жениной группе в вк. Не знаю почему, но кафе в итоге назвали «ИКС», в честь писательницы Ив Косовски Седжвик, несмотря на результаты голосования, в котором де Бовуар одержала уверенную победу.

Я вспомнила, что собиралась посмотреть расстояние от отеля до кафе, и закрыла википедию. Тетя пыталась мне объяснить значимость Лисетской, но я понимала, что ей просто почему-то нужно услужить этой неизвестной француженке, и не особенно ей заинтересовалась. Поездка в Питер по тетиной просьбе позволила мне убедить маму, что я могу потом

самостоятельно съездить в Хельсинки к Мари, а ради этого я была готова встретиться с кем угодно.

«Я в Питере», – написала я Мари. За окном поезда замер вокзал, и я сразу потянула из-под сиденья чемодан – хотелось поскорее оказаться на улице. Там я должна была поехать в гостиницу, встретить Лисетскую, передать ей книги, поводить ее немного по городу, а потом, через два дня, сесть на другой поезд и, наконец, оказаться в Хельсинки, где меня ждала Мари. Я протолкнулась мимо парня с сумкой и поспешила к выходу из вагона.

Гостиница, а на самом деле Отель с очень большой буквы «О», встретила меня широкой лестницей и красным ковром, закрепленным на ней металлическими шарами. На стойке регистрации я обменяла распечатанную тетей бронь на ключи от номеров и направилась к лифтам. Обычно я чувствую себя скорее комфортно в собственном теле, но в этом мраморно-бархатном здании мне было неловко. Одежда, моя одежда, хорошая, даже дорогая по меркам моего класса, вдруг оказалась совершенно неуместной и яркой.

Нам с Лисетской достались настоящие апартаменты: два однокомнатных номера с отдельными туалетами и ванными и смежной дверью. В левой комнате был балкон, и я, поразмыслив, решила, что там лучше поселить Лисетскую, потому что я не знала, нужно ли ей место для курения. Поскольку я бросила курить еще год назад, то могла обойтись и без балкона.

В номере я первым делом подобрала себе новый костюм – для этого пришлось распотрошить чемодан. Я скинула широкую лоскутную кофту, потом, подумав, и розовую футболку, и джинсы. Порылась в той части чемодана, которую собрала на всякий случай, если вдруг придется идти в театр, например. Я не знала, собирается ли Мари водить меня в театр, но я могла себе представить все что угодно – мы еще ни

разу не виделись с ней вживую, и я была уверена, что она постарается придумать для меня невероятные каникулы.

В напольном зеркале отразилась высокая девушка в черных брюках и такой же рубашке – в этой одежде я чувствовала себя лучше и не выглядела слишком аляповато на фоне дубовых панелей и черной мебели.

Следующий час я провела лежа на кровати – голова уже не болела, но я чувствовала себя устало и сонно и валялась на пружинистом матрасе, завернувшись в покрывало, чтобы не пачкать потом простыни. Подобранную одежду я сняла и разложила на столе, чтобы надеть после душа.

Мари прислала мне сообщение поддержки, которое вызвало у меня усмешку.

«Маруся, а ты вообще знаешь, зачем тебя туда послали? У многих звезд есть райдер: водка, вода Десани, три портрета Леннона на стене и голые школьницы в туалете. Ты в лучшем случае на месте Леннона. А на самом деле, я думаю, что эта старая лесбуха любит девочек помоложе. Тебе хочется верить, что она прекрасна, а она, скорее всего, Джа-ред Лето литературной критики. Как там в номере? Простыни белые? Готовься пачкать».

«Она не звезда, – написала я. – Просто общалась со звездами».

«Ты не права, – Мари звучала очень уверенно для человека, которая, очевидно, только что загуглила Лисетскую. –

Лисетская не хуй с горы. Если ты настоящая феминистка, ты ее наверняка читала».

Это задело меня за живое. Мари всегда читала больше, чем я, но я все-таки неплохо разбиралась в фем. дискурсе и могла уверенно сказать, что никакой особенной роли Ева Лисетская в нем не играла, иначе я бы хоть раз видела ее имя в статьях русской фем. сети.

«Что, например, я должна была читать?» – набрала я, переворачиваясь на спину. Матрас приятно прогнулся. В последний раз в таком отеле я жила лет семь назад, когда мы с мамой ездили в Испанию на весенние каникулы.

Вместо аудиосообщения Мари скинула мне ссылку на статью в википедии: «Смерть Эмилии Е. Q.».

Оказалось, что, переехав в Париж в 1957 году, семнадцатилетняя Лисетская познакомилась с французской писательницей Эмилией Е. Q., с которой потом несколько лет сожительствовала. В 1966 году Эмилия, которой только исполнилось тридцать шесть лет, погибла при странных обстоятельствах – отравилась цианистым калием. В отличие от Лисетской, которая, кажется, вошла в историю только как редакторка и авторка статей по лингвистике, Эмилия была известной авторкой – она написала десяток дневников, большая часть которых была издана уже после ее смерти. Это все было, конечно, интересно, но было не очень понятно, как это связано с феминизмом, если не считать того, что Эмилия, как и Лисетская, общалась с ведущими французскими фе-

министками середины двадцатого века.

«Ну что? – Мари звучала весело. – *Поняла, почему Лисетская приехала в Санкт-Петербург?*»

«Нет», – честно ответила я. В википедии я не заметила каких-то явных указаний на то, что Эмилия или Лисетская были связаны с Питером. Возможно, эти указания были во французской статье, которая наверняка была гораздо обширнее, но читать ее мне было лень.

«Объяснить?» – спросила Мари. Я представила себе, как она сидит у себя на кровати и улыбается, радуясь тому, что может в очередной раз удивить меня своими детективными способностями. Меня и вправду всегда поражало ее умение мгновенно выуживать информацию на любую тему из интернета.

«Конечно», – написала я.

«Смотри. – Мари, видимо, положила телефон на колени, а параллельно что-то смотрела в ноутбуке. – *Лисетская „дружила“ с Эмилией Е. Q. Жила с ней. Так-так. И с ними еще жил такой чувак Аркадий Васильев. Он – русский*».

Я открыла википедию и стала снова листать статью про смерть Эмили. Там действительно упоминался какой-то Васильев – я просто его не заметила в первый раз.

«Он, – продолжала Мари, – *из эмигрантской семьи. Жил в Лондоне до 1961, потом переехал в Париж и познакомился там с Эмилией и Лисетской. А в 1991 году переехал в Россию и живет тут до сих пор*».

«Откуда ты все это знаешь?» – написала я. Мари прислала новое сообщение и тут же его удалила. Видимо, мой вопрос ее сбил.

«Я читаю французскую Википедию через гугл транслейт, – объяснила Мари пару секунд спустя. – У Васильева есть своя большая статья, потому что он написал „Лингвистику активизма“. С этим текстом ты знакома??»

Тут мне стало совсем обидно, потому что с «Лингвистикой активизма» я и вправду была знакома. Этот небольшой манифест об активизме и языке часто цитировали в русской фем. сети, когда требовалось объяснить концепт феминитивов каким-нибудь ушлым «интеллектуалам». Целиком я его не читала, но и сама пару раз что-то оттуда цитировала, когда спорила с мамой или тетей.

«Так вот! – я хорошо слышала триумф в голосе Мари. – Васильев преподавал в СПбГУ, потом ушел на пенсию где-то в двухтысячные. А две недели назад он лег в больницу. В Википедии этого, очевидно, нет – просто вбей в гугл „Аркадий Васильев, лингвист“ и сразу увидишь новость какой-то питерской летней школы о том, что один их лектор лег на операцию, и они желают ему удачи и скорейшего выздоровления».

Я не стала ничего гуглить, зная, что Мари все сделает за меня.

«Он, – Мари наверняка опять сейчас улыбалась, – попал в онкологический центр, из чего можно сделать вывод, что

у него рак. Васильеву где-то лет восемьдесят пять, вряд ли он долго протянет – значит, Лисетская приехала в Санкт-Петербург, чтобы его навестить».

Мари наверняка была права – видимо, старой критикессе хотелось провести давнего друга.

«Знаешь, что еще их объединяет?» – спросила Мари. Я послала ей вопросительный знак, и она тут же стала наговаривать новое сообщение.

«Лисетская и Васильев, – Мари говорила тихо. – Оба были в Париже, когда умерла Эмилия Е. Q., и оба навещали ее в день смерти. Их обоих допрашивала полиция, но за недостатком улик обоих отпустили. Ты сейчас встретишься с женщиной, которая, возможно, шестьдесят лет назад отравила свою подругу!»

«Ее же отпустили, – написала я. – Тебе надо осторожнее со всей своей конспирологией».

«Как скажешь. – Я снова чувствовала, что Мари улыбается. – Но ты, уж пожалуйста, осторожней, хорошо?»

«Хорошо», – ответила я. – Сейчас я в душ, а потом пойду встречусь с лесбиянкой-убийцей».

«Мур:3», – ответила Мари текстом.

3

Приняв душ и высушив волосы, я спустилась в вестибюль. Возможно, мне полагалось ожидать Лисетскую на улице, но я не хотела выходить на солнце, которое, несмотря на то что уже должен был наступить вечер, кажется, только начало падение к горизонту. Через стеклянные двери было видно «парадный» подъезд, и я надеялась, что сумею быстро выскочить навстречу, как только авторка выйдет из такси.

Я посмотрела на телефон – с прибытия моего поезда прошло два часа пятьдесят девять минут. Я открыла статью про Васильева во французской википедии и стала читать, изредка поглядывая на двери. Иногда за стеклом останавливались машины, но каждый раз из них выбирались какие-то мужики в костюмах.

Еще вчера мне казалось, что я еду встретиться с какой-то старой тетиной знакомой. Она, переводчица с многолетним стажем, общалась с огромным количеством иностранцев. Но мне приходилось признать, что тетя была права, когда сказала, что Лисетская совершенно уникальная фигура, – она и вправду, видимо, играла большую роль во французской интеллектуальной элите шестидесятых. Она упоминалась в биографиях почти всех значительных мыслителей той эпохи – я в который раз раздраженно заметила, что даже у истоков феминизма было удивительно много мужчин. Вот Васильев,

например, оказался автором и редактором ряда ранних текстов о правах и философии женского социума – я совершенно не могла понять, как это терпели его современницы.

Пролистав Васильева, я перешла на страницу Эмилии Е. Q., но французские слова как-то не шли, и вместо того, чтобы читать, я сохранила себе в телефон фотографию молодой Лисетской (Париж, 1959) и фотографию Эмилии Е. Q. (Париж, 1965). В папке с сохрами у меня не было фотографий мужчин, и для Васильева я решила не делать исключения. Лицо у него было совершенно обыкновенное – чуть вытянутое, усатое. На более ранних фотографиях усов не было, зато были бакенбарды. Я полистала гугл-картинки туда-сюда и нашла фотографию, на которой Лисетская, Васильев и Эмилия были вместе. Они стояли возле какого-то античного барельефа и улыбались. С ними был еще один человек, прикрывающий лицо панамой. На французском сайте, на котором была выложена фотография, была подпись: «Arkady Vassiliev, Eve Lisetskaïa, Emilia E. Q. et le peintre M.». Художник М. оказался еще одним участником всей этой тусовки, только в отличие от Васильева и Лисетской, которые были еще живы, художник М. умер в середине шестидесятых.

Я уже собиралась отправить тете имейл о том, что Лисетская не приехала, когда к дверям отеля подъехало такси со знаком аэропорта на крыле. Я поспешила на улицу.

Задняя дверца открылась, и на тротуар опустил ногу в

черном чулке и туфле на широком каблуке. Ева Лисетская появилась из машины медленно, расплываясь по воздуху, словно нефтяная лужа. Когда она распрямилась, оказалось, что фотографии, которые я рассматривала, совершенно не отражали ее огромного роста. Даже без каблучков она была бы выше меня на целую голову.

– Марусья? – спросила Лисетская, опустив на меня взгляд. Глаза у нее были карие и очень внимательные.

– Здравствуйте, – сказала я, быстро подгружая французский. – Добрый день.

Лисетская протянула мне узкую ладонь и сказала:

– Ева.

Было невозможно поверить, что этой женщине больше пятидесяти, а ведь ей было уже почти восемьдесят. Ее пальцы, теплые и сухие, оплели и слегка сжали мою руку. Только тут я заметила, что мы одеты почти одинаково – только вместо рубашки на Лисетской была черная блузка. На ее высокой шее сверкнула серебряная цепочка.

Таксист открыл багажник и помог мне выгрузить на мостовую два небольших чемодана. Чтобы затащить их на тротуар, я повернулась к Лисетской спиной и тут же почувствовала ее пальцы на своем плече.

– Я сама, – сказала Лисетская. – Возьми сумку, пожалуйста.

Она указала на оставшуюся открытой дверцу такси. На сиденье лежала ярко-желтая сумка. Я подхватила длинную

лямку и с удивлением обнаружила, что сумка довольно тяжелая. Кажется, в ней было что-то прямоугольное – мне в бок уперлась твердая стенка.

Лисетская подхватила чемоданы, и мы вошли в отель.

– Этаж? – спросила она.

– Четвертый, – сказала я. – Здесь лифт за углом.

В лифте Лисетская спросила:

– У тебя есть телефон?

Я так разнервничалась, что кивнула, прежде чем ответить:

– Да.

Вряд ли со своей высоты она могла увидеть мой кивок.

– Какими приложениями вы пользуетесь в России? – спросила Лисетская и, правильно посчитав мое молчание замешательством, добавила: – Для переписки? WhatsApp, Facebook?

– Telegram, – сказала я. – Но у меня есть и WhatsApp.

Эта женщина очень плохо сочеталась с образом, который возник у меня при чтении википедии, но не из-за ее внешности, а из-за того, что я представляла ее живущей в шестидесятых – WhatsApp никак не мог сосуществовать с парижской богемой, Роланом Бартом и Симоной де Бовуар.

Мы вышли из лифта и остановились возле двери номера с балконом. Лисетская достала из кармана айфон и протянула мне.

– Код один-ноль-три-пять. Можешь установить Telegram,

пожалуйста? И приложение с такси, если здесь не работает Uber, – попросила она. Я послушно взяла телефон и сунула его в карман.

Лисетская стояла ко мне вполоборота и чего-то ждала.

– Вы хотите, чтобы я сейчас отдала вам книги? – спросила я.

– Книги? – Лисетская звучала удивленно, но ее лицо осталось неподвижным. Я подумала, что, возможно, она делала пластику лица, и из-за этого ее брови потеряли подвижность. С того момента, как Лисетская вышла из такси, они ни разу не меняли своего положения. Если она правда удивлялась, то я не знала, чему – тетя послала меня в Питер именно для того, чтобы я отдала Лисетской книги, и я была уверена, что Лисетская об этом знает. Иначе зачем бы я ее сейчас встречала?

– Я привезла вам рюкзак книг от Нины Сергеевны, – сказала я.

– А. – Лисетская кивнула. – Спасибо. Давай после ужина. Ты же поужинаешь со мной?

– Хорошо, – сказала я. – Да.

– А где ты живешь? – спросила Лисетская.

Я показала на свою дверь:

– Здесь. Но там внутри есть смежная дверь.

Я очень надеялась, что мне удалось хотя бы примерно передать свою мысль. Вся уверенность в собственном французском совершенно улетучилась.

– Хорошо, – сказала Лисетская. – Я через час постучу.

Она открыла дверь в номер, занесла внутрь чемоданы и вернулась, чтобы забрать у меня сумку.

– У тебя хороший французский, – сказала она, снова входя в номер. Хлопнула дверь, и я еще некоторое время простояла в коридоре, бессмысленно крутя в руках ее телефон.

Очевидно, весь следующий час я провела, читая все, что можно было найти про Лисетскую, Эмилию Е. Q. и Васильева. Лисетская оказалась настолько интересной женщиной, что я готова была продираться сквозь французскую википедию. Только в самом начале я читала невнимательно, пытаюсь одной рукой скачивать в телефон Лисетской Яндекс. такси и телеграм, а потом, когда приложения заработали, погрузилась в текст уже вовсю.

Оказалось, что я ее недооценила, когда читала википедию в первый раз. Лисетская была не просто критикессой – она была редакторкой всех дневников Эмилии Е. Q., изданных после смерти авторки, а эти дневники, особенно более поздние, имели большую популярность. Я полезла в рюкзак и обнаружила, что книги, которые мне дала тетя, были как раз из этой серии – это были русские переводы дневников Эмилии Е. Q. под редакцией Евы Лисетской.

Я разложила книги на кровати и стала читать википедию дальше. Оказалось, что с этими дневниками связан большой скандал – многие читательницы и критикессы подозревали

Лисетскую в том, что она сильно редачила тексты Эмилиии. В википедии говорилось, что в первой книге, изданной уже после смерти Эмилиии, «Е. Q. Е. L.», гораздо меньше места уделяется описаниям мест (кофеен, площадей, театров) и гораздо чаще упоминаются разнообразные знаменитости, с которыми Эмилиия познакомилась в Париже в начале пятидесятих. Почти все имена в книге были зашифрованы, но по отдельным фактам в «S», «G», «B» и других угадывались имена с передовиц прогрессивных газет. Я стала ходить по ссылкам в статье. Рецензенты (все авторы прочитанных мной рецензий были мужчинами) обвиняли Лисетскую в попытках нажиться на слухах о жизнях других людей. Даже в самой википедии было написано, что к «Е. Q. Е. L.» накрепко прицепилось название «Желтый роман».

В интервью 1971 года Лисетская писала, что Эмилиия стала гораздо больше времени проводить в клубах и кафе и вела записи в небольших блокнотах (в отличие от предыдущих книг, которые она писала в тетрадях формата А4). Именно из-за этого пришлось так сильно редактировать тексты. В общем, я страшно запуталась – и вместе со мной запуталась Мари, которой я записывала сообщения о своих изысканиях. Мари гораздо лучше меня владела интернетом, но она не говорила по-французски, поэтому читать рецензии или тем более снимки газетных статей, которые нельзя было перевести гугл транслейтом, ей было трудно.

К тому же не помогало то, что Мари радостно ухватилась

за всю эту конспирологию. Когда я сказала, что вообще не понимаю, кто прав, а кто нет и кто написал книги Эмилии, Мари записала мне такое сообщение:

«Мне кажется, автор вообще не важен. То есть текст должен существовать отдельно от его личности. Ну, пусть Лисетская убила Эмилию и нажилась на ее смерти. Нужно это уважать – я думаю, что даже если у тебя есть архив записей гениального писателя, это не так уж и просто – построить на этом карьеру. Вот если бы она пыталась приписать себе тексты Эмилии – тогда я бы относилась к ней хуже. А так, если она делает ее тексты популярными, то не важно, что она при этом меняет. Эмилии уже нет. Когда человек кончает с собой, он расписывается в документах на собственные тело и душу. Отдает их на благотворительность, в лучшем случае».

Я возразила, что если бы я умерла, то хотела бы, чтобы мои мысли передавали потомкам без изменений. Мари долго думала, а потом ответила:

«А почему ты считаешь, что лучше знаешь, что нужно твоим потомкам, чем человек, который доказал, что может продлить твоё тело в будущее, разрезав его на семь, восемь, десять кусков? Ты это ты, а твой пиар-менеджер – это твой пиар-менеджер. Ваши мнения не обязательно совпадают. К тому же, ты еще ничего не добилась и пока не планируешь».

Я не стала обижаться на Мари. Про «ничего не добилась» она могла бы не говорить – это не я жила с родителями в

двадцать с чем-то лет, – но я знала, что она говорит это не для того, чтобы сделать мне неприятно. Вместо того чтобы обижаться, я открыла какой-то французский сайт с короткими пересказами и стала читать дневники Эмилии.

Эмилия и Ева познакомились в 1957 году. Я нашла одну фотографию того времени – высокая черноволосая чернобровая девушка, почти девочка, обнимала за плечи невысокую, будто бы стесняющуюся женщину. Эта фотография привела меня в онлайн-архив, в котором я наткнулась на десятки других снимков, более поздних – и на всех Эмилия и Ева были изображены вместе. Иногда рядом появлялись какие-то другие люди, а потом на снимках стали постоянно фигурировать двое мужчин – художник М. (хотя комментаторы не были в этом уверены) и Аркадий Васильевич Белов – он же филолог и философ Васильев.

Васильев появился в жизни Евы и Эмилии в 1962 году. Этот двадцатисемилетний сын русских эмигрантов приехал в Париж из Лондона, чтобы встретиться с Хемингуэем. Хемингуэй умер годом раньше, и последние тридцать лет своей жизни пробыл за пределами Франции, поэтому Васильев (в своих дневниках Эмилия называла его Кентавром) мрачно бродил по городу, вглядывался в подворотни и толкался в толпе.

Я полезла искать эту сцену в дневниках. Это оказалось

несложно – в дневнике «Е. Q. 1961–1963» в оглавлении была строчка: «Знакомство с Кентавром». Я открыла нужную главу и стала читать вслух, чтобы сразу записывать аудио для Мари:

«Мы вышли из К-. и направились к месту встречи с В. На улицах было пустынно из-за жары, но Овсянка, как всегда, шла по самой кромке тротуара, и тени домов до нас не дотягивались. Я смотрела под ноги, чтобы не упасть на мостовую, и поэтому не сразу заметила, что Овсянка сошла с бордюра и остановилась. Я оказалась далеко впереди нее и, обернувшись, увидела, что Овсянка внимательно разглядывает мужчину в шляпе, который, покачивая головой, рассматривал табличку на закрытых дверях булочной. Он стоял в тени здания, облокотившись на черный зонтик. Его лица было почти не видно – потерянности читалась во всей его фигуре, в этом зонтике, который никак не сочетался с солнечной погодой, в костюме (слишком теплом) и в музыкальных движениях пальцев его свободной руки. Он будто пытался нащупать невидимое пианино и все время промахивался мимо клавиш.

– Вы что-то ищете? – спросила Овсянка. Она пересекла горизонт света и оказалась в тени. Ее фигура тут же стала двухмерной, будто она зашла в фотографию, на которой был изображен мужчина. Ее черное (летом!) платье слилось с пятнами на стене, и на мгновение мне показалось, что ее голова парит в воздухе возле плеча незнакомца.

Мужчина наконец ее заметил и что-то спросил, но я его не расслышала.

– *Bla Bla Bla*, – ответила ему Овсянка по-английски.

Мужчина ответил:

– *Bla Bla Bla Bla*.

– Где живет Эрнест Хемингуэй? – спросила меня Овсянка. Мужчина казался мне странным, и я все не решалась подойти. Но и не отвечать Овсянке было бы неправильно.

– Монпарнас, – ответила я неуверенно. Когда я только приехала в П-, мне указали все места, где ступал Хемингуэй.

– *Bla Bla Bla*.

– *Bla Bla Bla*.

– Он хочет навестить Хемингуэя, – сказала Овсянка.

– Вряд ли, – сказала я. – Хемингуэй умер.

Овсянка посмотрела на меня как на умалишенную. Было очевидно, что желание незнакомца, видимо англичанина, было для нее гораздо важнее смерти великого писателя. В ее глазах читалось отвращение к смерти, и я поняла, что сейчас мы отменим встречу с В. и отправимся на поиски дома, местоположение которого я представляла себе очень смутно.

– *Bla Bla*, – сказал мужчина.

– Он немного говорит по-французски, – сказала Овсянка, – но сейчас не может ничего вспомнить. По-моему, он слишком много времени провел на улице в этом костюме. Нужно отвезти его в отель и засунуть в холодную ванну.

Я не нашла, что ей возразить».

Я собиралась еще сказать пару слов от себя и спародировать стиль Эмили, но тут раздался стук в смежную дверь, и я поспешила убрать разбросанные книги в рюкзак.

Первым делом Лисетская спросила:

– Ты установила приложения?

– Да, – сказала я, протягивая ей телефон. – Я могу объяснить вам, как ими пользоваться. И я вбила туда свой номер.

– Спасибо, не нужно, – сказала Лисетская, убирая телефон. – Идем.

Мы спустились в вестибюль и вышли на улицу.

– Ты хочешь есть? – спросила Лисетская. Я попыталась по ее лицу угадать правильный ответ, но это было совершенно невозможно. Если бы мы не шли, а стояли на месте, я бы решила, что ее парализовало, настолько у нее было каменное лицо. Если это была пластика, то серьезная – будто ее лицо целиком отлили из резины.

– Понятно, – сказала Лисетская. – Идем. Ты хорошо знаешь город?

Я помотала головой.

– Не страшно. – Она взглянула на часы на правой руке. – Легкий ужин тебя устроит? Я хочу сегодня съездить в больницу, а там ограниченные часы посещения.

– Хорошо, – сказала я. Есть мне совершенно не хотелось, потому что организм, кажется, еще не отошел от поезда. Живот вдруг заныл, и я, надеясь, что это не разозлит Лисетскую, достала телефон и открыла Рэдд, чтобы свериться, что мой

цикл и вправду сократился – уже второй раз подряд месячные начинались на два-три дня раньше, чем предсказывало приложение.

Лисетская легко коснулась моего плеча, указывая, что мы сворачиваем. Я дернулась, потому что не ожидала прикосновения, и тут впервые лицо критикессы расплылось в улыбке.

– Это кафе тебя устраивает? – спросила она, указывая на ресторанный вывеску на другой стороне улицы. Там было восточным курсивом написано: «Чайхана».

После того как я заказала нам ужин, Лисетская наклонилась голову и стала внимательно меня рассматривать. В ресторане было сумрачно, и она выглядела еще моложе – не старше моей тети. Я уже успела сходить в туалет и закинуть-ся двумя таблетками пенталгина и теперь пыталась поудобнее устроиться на удивительно жестких подушках, которыми были устланы скамьи, заменявшие в ресторане стулья.

– Однажды, – начала Лисетская, – когда ты еще не родилась, мы с Роланом и несколькими другими друзьями оказались в очень похожем ресторане в Стамбуле. Там было очень дымно – кальяны, – и Ролан сказал, что восточная обстановка мешает европейцам читать выражения лиц собеседников.

Она больше не улыбалась, и я не могла понять, какой реакции она от меня ожидает. Моего французского хватало для того, чтобы понимать все слова, которые она произносила, но не для того, чтобы чувствовать какие-то языковые нюан-

сы, которых, в ее речи, кажется, было очень много.

– Я приехала в Санкт-Петербург, – сказала Лисетская, – чтобы повидать старого друга. Много лет назад мы некоторое время жили вместе, а потом нас обоих довольно долго допрашивала полиция, и мы рассорились. У него осталось несколько нужных мне вещей – и я надеюсь, что сейчас он их вернет.

Она замолчала, и я спросила:

– Каких вещей?

– Разных. Но в первую очередь мне нужен последний дневник моей подруги Эмилии, – сказала Лисетская. – Ты знаешь про дневники Эмилии?

Я кивнула.

– У моего друга хранится ее последний дневник, и я очень надеюсь его получить, потому что... – Она снова замолчала, но в этот раз по движению ее пальцев я поняла, что ничего говорить не нужно. Лисетская как бы рисовала в воздухе перед собой маленький знак бесконечности. Ее взгляд оставался неподвижным. – Потому что там есть одна страница, на которой наверняка написано имя убийцы Эмилии. К тому же я занимаюсь изданием этих дневников – это дело всей моей жизни, будет обидно оставить его незаконченным.

Мы помолчали.

– Она была убита, ты это знаешь? – спросила Лисетская.

– Нет, – сказала я. – Я этого не знала.

У меня в голове все никак не соединялись фотографии и

текст из википедии и эта женщина – она говорила со мной, рассказывала какую-то безумную историю и, кажется, ожидала, что я тоже в ней как-то поучаствую.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросила я.

– Тебе не интересно? – спросила Лисетская. Она снова улыбнулась, на этот раз подошедшему официанту, который поставил на соседний столик поднос и стал переставлять к нам тарелки с едой.

– Нет, просто... – Я не знала, что ей сказать.

– Скажи что-нибудь о себе, – предложила Лисетская. – Чем ты занимаешься? Что-нибудь пишешь?

Ее лицо не изменилось, и я подумала, что она, наверное, спрашивает об этом всех людей, с которыми общается.

– Я ничего не пишу, – сказала я.

– Совсем? Может, – спросила Лисетская, – блог в Twitter или Facebook?

– Я пишу в инстаграме, – сказала я, – но совсем по чуть-чуть.

– В Instagram пишут тексты? – спросила Лисетская. – Я, к сожалению, не так хорошо владею современными социальными сетями.

– Да, иногда, – ответила я. – Так многие делают.

Лисетская достала телефон и спросила:

– Как найти твой блог?

Она положила телефон на стол рядом с тарелкой с супом, и мне было видно его экран. Фоном у Лисетской стояла

фотография неизвестного мне готического собора. Длинный палец критикессы махнул по экрану, ткнул в папку в верхнем правом углу. Я увидела иконки инстаграма, твиттера, линкедин, фейсбука, тиктока и каких-то неизвестных мне приложений. Когда я устанавливала Лисетской телеграм, я удержалась от того, чтобы рыться в ее телефоне, но сейчас сил отвести взгляд у меня не было. У нее стояли почти все возможные социальные сети – я не знала точно, но одна из иконок, кажется, была от китайского WeChat, про который я знала только из одного текстового монолога Мари о китайской пропаганде.

Лисетская зашла в инстаграм, двумя пальцами развернула телефон и подтолкнула его ко мне. Только тут я заметила, что она левша – телефон оказался рядом с моей правой ладонью. Я вбила в строчку поиска свой аккаунт, нажала на возникший кружок и осторожно толкнула телефон обратно. Точно так же, двумя пальцами, Лисетская развернула его к себе, потом подобрала и переложила в правую руку, а левой взяла чайник, который только-только поставил на стол официант. Она налила чай мне, изредка поглядывая на наполняющуюся чашку, потом отставила чайник в сторону.

Я никак не решалась приступить к еде и схватила за горячую чашку как за спасательный круг. Лицо Лисетской оставалось каменным, но глаза быстро перемещались по фотографиям.

– Я плохо читаю по-русски, – сказала она, опуская теле-

фон на стол. – Ты пишешь о феминизме?

– Д-да, – сказала я. Если бы я знала, что Лисетская читает по-русски, я бы не стала показывать ей свой аккаунт.

– Я плохо читаю и почти не говорю, но немного знаю кириллицу, – успокоила меня Лисетская. – Здесь часто встречается слово «феминизм».

Что я могла на это сказать?

– Приятного аппетита, – сказала Лисетская.

– Спасибо, – ответила я.

Я доела раньше Лисетской, потому что в основном просто пила чай, и вышла в туалет. В телефоне меня ждали сообщения от Мари.

«Ну что, как? – Она писала текстом. – Как там педофилка французская? Срусь с мамой».

Отношения с родителями у Мари были сложные. Она говорила, что это связано с ее плохими оценками, но поскольку я подозревала, что Мари меня на пару лет (как минимум) старше, то причины у ссор должны были быть какие-то другие. Тем не менее я всегда поддерживала Мари в такие моменты, потому что ей, вне зависимости от причин, очевидно было очень тяжело.

«Ты держись, пожалуйста. А Лисетская – вполне милая старушка, – написала я. – Выглядит очень молодо. Она собирается расследовать самоубийство Эмилии Е. Q.».

Мари прочитала мое сообщение мгновенно и сразу стала

печатать ответ.

Туалет в ресторане был, как я люблю – узкий, с плотными стенами и дверью до пола. Я чувствовала, что нахожусь в бордовом гробу – стены вокруг были покрыты выпуклыми восточными узорами, по которым очень хотелось провести рукой. Ужин с Лисетской меня сильно вымотал, и я ждала ответа Мари, чтобы у меня был повод не выходить из туалета. Пока она писала, я поразглядывала себя в зеркало – и осталась довольна.

«Ты pomoжeшь ей с расследованием?» – написала Мари наконец. У нее было необычное свойство – она часто писала сообщения очень долго, а потом присылала одно-два слова.

«Она не предлагала, – ответила я. – Но, конечно. Если она попросит, я обязательно помогу ей в раскрытии очень важного преступления столетней давности».

«Ты моя Нэнси Дрю:3, написала Мари. – Только обо мне не забывай, хорошо?»

Вместо текста я записала ей короткое видео, в котором высывала язык и закатывала глаза. Мари очень часто просила меня не забывать ее, и я уже устала ей объяснять, что о ней я думаю постоянно и забыть совершенно точно не смогу. Я оглядела туалет, вздохнула и вернулась в зал.

Тарелки уже унесли, и Лисетская что-то листала в телефоне.

– Ты pomoжeшь мне вернуть дневник моей подруги? –

спросила она, когда я опустилась на скамейку.

– Что, простите? – переспросила я. Лисетская придвинулась ближе и положила левую руку на столешницу.

– Я не уверена, что мой друг согласится отдать мне дневник, – сказала она. – Мне нужно, чтобы кто-то нашел его архив и забрал оттуда книгу.

Я не знала, что ей на это ответить. Обижать или расстраивать старушку не хотелось, но и помочь я ей никак не могла.

– Ты, наверное, думаешь, – сказала Лисетская, – что я немощная старуха, медленно сходящая с ума.

Она постучала пальцем по столешнице.

– Мой друг скоро умрет. Может быть, сегодня или завтра. – Лицо Лисетской оставалось каменным. – И тогда его архив разлетится по разным библиотекам или просто сгниет. Мне нужно забрать у него эту книгу.

– Я не... – начала я, но Лисетская снова постучала пальцем по столу.

– Маруся, – сказала она. – Ты живешь в России, ты ничего не знаешь о людях, о которых я говорю. А ведь весь твой феминизм построен на книгах этих людей. Ты знаешь де Бовуар, но вряд ли ты ее читала. И ты, я уверена, не читала никого из тех, кто ее окружал. Соллерс, Якобсон, Васильев, Фуко – что говорят тебе эти имена? Просто фотографии в википедии и строчки в сносках текстов, которые ты читаешь в интернете. А ведь многие из них – твои соотечественники.

Я не знала, как реагировать на происходящее, поэтому

просто молча слушала. Меня удивило, что, чуть повысив голос, Лисетская говорила медленнее. Ее французский я понимала легко.

– Я предлагаю тебе войти в историю, – сказала она. – Или, точнее, к ней прикоснуться. Твое имя окажется на одних полях с именем Симоны де Бовуар.

Сначала я удивилась столько раз упомянутой де Бовуар, а потом заметила, что телефон Лисетской снова лежит на столе и открыт на одном из постов в моей инсте – на тексте, в котором я недоумевала по поводу того, что фем. кафе в Питере решили назвать в честь Ив Косовски Седжвик, а не Симоны. Текст под постом был по-французски – Лисетская нажала на кнопку автоматического перевода.

– Я не понимаю, что я могу сделать, – сказала я.

Лисетская перешла в поиск в инстаграме, вбила несколько букв и открыла аккаунт с парой сотен подписчиков. Я не успела прочитать название, потому что телефон был все еще перевернут ко мне вверх ногами. Лисетская быстро прокрутила ленту вниз, открыла фотографию и развернула телефон ко мне.

На фотографии был изображен немолодой мужчина в костюме. Он стоял у школьной доски вместе с несколькими школьницами и школьниками моего возраста. В мужчине я с удивлением узнала Васильева – тут он был гораздо старше своих парижских фотографий и походил на самого обычного школьного учителя. Подпись под фотографией гласила:

«Летняя школа. 15.08.2015. Аркадий Васильевич после лекции „Семиотические знаки в языке“».

Лисетская постучала по экрану ногтем – прямо по лицу одного из школьников, стоящих рядом с Васильевым.

– Я бы хотела, чтобы ты встретилась вот с этими ребятами, – сказала она. – Я думаю, что архив хранится у кого-то из них.

Я ничего не спросила, но Лисетская медленно кивнула, будто бы соглашаясь с чем-то:

– Я не уверена, – сказала она. – Но...

Мне было уже очевидно, что ее фраза про то, что она плохо владеет соцсетями, была абсолютным враньем. Лисетская нажала на список лайкнувших фотографию (их было всего человек двадцать), потом на одно из имен в списке. Открылся аккаунт с парой тысяч подписчиц – я сразу почувствовала укол ревности.

Судя по всему, это был аккаунт модной фотографки – на всех фотографиях были изображены разные модели в черной и околочерной одежде. Фонами служили разные довольно странные интерьеры – будто бы кто-то устроил студию в старой советской квартире. Шкафы со стеклянными дверцами, столы с гнутыми ножками, хрустальные люстры.

Лисетская провела пальцем по экрану и нажала на одну из фотографий. Я увидела красивую девушку лет восемнадцати. У нее были длинные светлые волосы и голубые глаза, с которыми приятно сочеталась поясная сумка такого же

оттенка. Кроме нее, на девушке была темно-фиолетовая рубашка, рваные джинсы и бордовая жилетка. Набор этот выглядел странно, но еще более странным был фон – огромный двухстворчатый шкаф, заклеенный какими-то бумагами. Поверх бумаг, среди которых были листы рукописного текста и фотографии, тянулись красные и синие нити.

– Это наша фотография, – сказала Лисетская, указывая на один из маленьких квадратиков на дверце шкафа. – И еще вот эта, и вот эта. Они используют их для фотосессий.

– Как вы это обнаружили? – спросила я. Лисетская посмотрела на меня.

– По тегам, – сказала она. – Молодые люди, которые сделали фотографию, знали, что это за бумаги. К тому же сейчас я уже знаю десяток способов привязать их к архиву. Я показала тебе самый простой. И...

Лисетская снова ткнула в экран. В отличие от фотографии из летней школы, на этом снимке была отмечена модель. И локация.

– Вы хотите, чтобы я написала этой девушке? – спросила я.

– Нет, – сказала Лисетская. – Я тебя с ней познакомлю. Я окончательно перестала что-либо понимать:

– А зачем вам меня с ней знакомить, – спросила я, – если вы и так знаете, кто она? Вы не можете сами спросить ее про архив?

Лисетская выключила экран телефона и выпрямилась. Я

даже вздрогнула от того, как высоко над столом оказались ее плечи. Я и не заметила, что все это время она сидела сгорбившись.

– Я изучила инстаграм и этой девочки, – сказала Лисетская. – Почти все свое свободное время она проводит в кафе «ИКС». Это такое фем. пространство здесь, в Санкт-Петербурге.

Я кивнула, хотя хотела помотать головой.

– Васильев – философ феминистской теории, если можно так сказать о мужчине, – продолжила Лисетская. – Очевидно, эти подростки в достаточно хороших отношениях с ним, чтобы бывать у него дома. Ничего удивительного в том, что они ходят в это кафе, нет.

– И вы хотите, чтобы я туда отправилась и поговорила с этой девушкой? – спросила я.

– Да, – сказала Лисетская. – Выяснила, где сейчас находится архив, забрала оттуда одну книгу и отдала ее мне.

Если бы этот разговор происходил по-русски, я бы решила, что разговариваю с сумасшедшей, но французский придавал всему происходящему настолько сказочный привкус, что я слушала Лисетскую очень внимательно. Восточный, может быть грузинский, ресторан, высокая женщина в черном, легко вращающая телефон и бороздящая инстаграм, – я просто не успевала сомневаться в реальности происходящего.

– Я уверена, что ты справишься, – сказала Лисетская. –

Вряд ли это очень сложно. Со своей стороны могу обещать тебе упоминание в благодарностях, когда этот дневник будет издан.

Она улыбнулась в третий раз за вечер. Я поняла, что про упоминание она пошутила. Предполагалось, что похищать книгу я буду для нее просто так.

В кафе «ИКС» я поехала на такси. Еще пока я ждала машину возле «Чайханы», я записала Мари сообщение про разговор с Лисетской и по дороге слушала ее ответ, а точнее, ответы – Мари записала десяток сообщений.

«Ты пообщалась с ней всего пару часов и уже собираешься совершить преступление, – сказала она. – Еще пара таких разговоров, и ты пойдешь и сама этого Васильева придушишь подушкой».

«У меня приключение», – написала я в ответ. Я и сама до сих пор не до конца понимала, как Лисетской удалось убедить меня попробовать найти архив Васильева. Наверное, если бы она отправила меня не в «ИКС», в который я и так собиралась поехать, а куда-нибудь подальше, я бы отказалась. Или если бы в этой истории не были замешаны красивые девушки с профессиональными фотосетами, я бы отказалась. Или если бы Лисетская не была загадочной критикессой из Франции, я бы отказалась.

Кафе, как и обещало описание в группе в вк, найти было трудно. В конце концов я прошла через темную подворотню мимо нескольких закрытых дверей и оказалась перед узким проходом, в глубине которого виднелась деревянная створка. К ней был приколот листок принтерной бумаги с боль-

шой надписью, сделанной черным маркером: «РА». Я еще в такси проверила, что в кафе сегодня не намечалось никаких мероприятий и работало оно до полуночи, но тем не менее я как-то занервничала.

В Москве у меня не было феминистской тусовки, и поэтому я очень уверенно чувствовала себя в плане фем. дискурса, но здесь-то собирались настоящие феминистки. Я осмотрела себя и поправила рубашку.

За дверью с надписью «РА» оказалась обыкновенная лестница жилого дома, на которую выходили двери квартир без номеров. Везде висела строительная пленка и валялись пустые банки из-под краски. Я поднялась на второй этаж, где на лестничной клетке было устроено что-то вроде небольшой гостиной или курилки. В нос сразу ударил сигаретный запах – на лестнице, ведущей выше, сидели две девушки. Одна была повернута ко мне спиной, и мне были видны только ее черные выющиеся волосы, а вторая, наоборот, смотрела прямо на меня. Видимо, услышала звук открывающейся внизу двери.

– Вы куда? – спросила она. Я вышла на площадку и приоткрылась к ней внимательнее. Она оказалась старше, чем я думала, – скорее женщина, чем девушка.

– Я в кафе, – сказала я, оглядывая курилку. Здесь было две двери – одна скрыта пленкой, а вторая, с кодовым замком, очевидно вела в «ИКС». Стены лестничной клетки бы-

ли обклеены бумагой, которую покрывали надписи и рисунки. Надписи, видимо, были сделаны за один раз – авторки использовали один черный маркер и старались копировать один и тот же шрифт. Единственная надпись, которая выделялась на фоне остальных – арабская вязь посередине стены.

00

На видном месте, прямо над вязью, висела большая фотография Ив Косовски Седжвик.

Женщина поднялась с лестницы и подошла ко мне.

– Я – Рита, – сказала она. – Вы у нас уже были?

– Нет, – сказала я. – Я в первый раз.

Рита улыбнулась и повернулась к своей подруге, которая все так же сидела на лестнице. В руке у нее светился телефон. Я бросила на нее беглый взгляд и сразу же отвернулась, потому что поняла, что сидящая на лестнице девушка – Женья Мильникова, основательница кафе «ИКС».

– Как вас зовут? – спросила Рита, протягивая мне руку.

Я так разнервничалась, что сначала хотела соврать и назвать выдуманное имя, но потом спохватилась, что я еще не на том уровне конспирации, и протянула свою ладонь, – Маруся.

– Если ты у нас в первый раз, – Рита все еще улыбалась, – хочешь, я тебе все покажу?

Я кивнула. Рита подошла к двери с кодовым замком и вби-

ла код: девять-ноль-ноль-ноль. Я пошла за ней, спиной чувствуя присутствие Жени. Мне очень хотелось подойти к ней и хотя бы получше ее рассмотреть, но я, конечно, не стала бы так делать. Рита открыла дверь и пропустила меня внутрь кафе.

Кафе представляло собой просторное помещение, почти пустое и ярко освещенное. В правой стене было четыре больших окна, под которыми были набросаны разноцветные пуфики, на которых сидели какие-то девушки. Они тихо переговаривались и даже не оглянулись на нас.

Стены здесь были одноцветные, светло-бежевые, совсем без рисунков или плакатов. В дальнем углу стояло что-то наподобие барной стойки, над которой висело короткое меню. Рядом со стойкой была дверь, за которой, кажется, находился еще один зал. От входной двери я разглядела только повернутый боком стул.

– Правила знаешь? – спросила Рита. – Можешь сделать взнос или что-нибудь купить.

Мы подошли к барной стойке.

– Можно кофе? – спросила я.

– Какое молоко? – спросила Рита, скрываясь за стойкой.

Вскоре от пола раздалось жужжание кофе-машины.

– Миндальное? – сказала я и струсила, добавила: – Или можно обычное.

– Есть миндальное, – сказала Рита. Она наконец выбра-

лась из-под стойки и поставила передо мной белую кружку с кофе.

– Бери, – сказала она. – И пойдем. Деньги можешь положить на стойку.

Кафе состояло из трех комнат и кухни-кладовой. Кроме большого зала, был еще зал поменьше, в котором на стене висел экран для проектора. В этот же зал выходили двери туалета и кладовки. Рита показывала мне все – мы даже несколько секунд постояли в кладовке, разглядывая свернутые плакаты и упаковки чайных пакетиков.

За средним залом располагалась совсем уже небольшая выставочная комната. Посередине заклеенного газетами пола стояли несколько мольбертов, а стены покрывали рисунки. От дверей лучше всего было видно один огромный портрет – с листа на меня смотрел какой-то лысый мужчина, которого было трудно узнать из-за того, что его лицо было разделено на четверти, и правая половина его подбородка была помещена на место левой стороны лба.

– Это Мишель Фуко, Аля нарисовала. Она очень талантливая, – сказала Рита, заметив, что я разглядываю портрет. – У нас был вечер, посвященный образам мужчин в культуре. Я нарисовала Родю Раскольников.

Вряд ли Рита могла быть моложе тридцати. Она не особенно стремилась обсудить со мной феминизм или права женщин. Вместо этого она рассказывала про тех, кто ходит

в кафе, и я никак не могла понять, кем является сама Рита – хозяйкой, организаторкой, баристкой или просто случайной гостьей кафе «ИКС». В конце концов стало понятно, что больше всего ей хочется поговорить о себе.

– Вот мой портрет, – сказала Рита, указывая на большой лист бумаги, который почти целиком был закрашен красной краской. Только в левом верхнем углу виднелось что-то похожее на гнилой банан, перетянутый шпагатом.

– Топор, – догадалась я, вспомнив про то, что Рита рисовала Раскольникова.

– Именно. – Рита качнула плечами. – Я сначала попробовала нарисовать Соню, но получилось как-то вульгарно. Мне ее образ всегда казался слишком недостижимым. У Достоевского все женщины такие, потому что ему самому очень не везло в любви. Я когда читала роман, очень переживала за Родю, ведь очевидно, что они с Соней никогда не смогут быть по-настоящему вместе. Вот у тебя есть такая большая любовь?

– Нет, – сказала я.

С каждой секундой мне становилось все неудобнее обращаться к ней на «ты». С Лисетской я почему-то совершенно не ощущала такой разницы в возрасте, при том, что критикесса была старше меня лет на шестьдесят.

– Мой муж часто говорит о том, как он в меня влюбился, когда мы только познакомились, – сказала Рита. – Ты можешь сегодня с ним познакомиться. У нас после семи можно

приходить всем.

Я постаралась скрыть свою реакцию на слово «муж» и повернулась к другой стене, на которой висели какие-то совсем дурные акварели. Мне показалось, что это какая-то совершенная дикость для фем. кафе. Рита засмотрелась на свой портрет топора, и я достала телефон, чтобы быстро набрать сообщение Мари: «Пришла в „ИКС“, фем-кафе в Питере. Тут у них проходят вечера, посвященные образам мужчин в культуре». Мари прочитала сразу и тут же стала наговаривать мне ответ.

– Но мне, конечно, очень повезло с мужем, – сказала Рита, подходя ко мне и кладя мне руку на плечо. – Ты, наверное, сейчас еще не нагулялась с мальчиками. Просто смотри внимательнее и не прогляди. Вот!

Она сделала шаг вперед и указала на одну из акварелей. На зеленом фоне летело что-то вроде фиолетового дирижабля.

– Можно я здесь одна побуду? – спросила я, делая шаг в сторону.

– Давай, милая. – Рита ласково улыбнулась. Она похлопала меня по плечу и вышла.

Я достала телефон и быстро наговорила пару сообщений Мари. В первую очередь я попыталась передать ей свое разочарование – я не ожидала, что столкнусь в «ИКС» с вот такой вот Ритой. Больше всего она напомнила мне Никсель-Пик-

сель – хотя Рита была очевидно старше и выглядела похуже. Это была шумная женщина, для которой феминизм – это способ побольше поболтать о себе, своем муже и своих рисунках. От нее у меня не осталось не то что чувства активизма, а даже чувства уважения ко мне – она провела меня через кафе, как экскурсовод по Суздальскому кремлю. Я подошла к портрету Фуко, которому уж точно было не место в фем. пространстве, потому что он был гомосексуалом и вообще не интересовался женщинами, и стала разглядывать линии. Если бы в комнате была хотя бы одна работа такого качества, я бы не стала разглядывать Фуко, но все остальные рисунки на стенах были совсем плохие – какая-то цветная размазня.

Фуко же был нарисован с практически фотографической точностью – если не считать того, что два куса его лица были поменяны местами и дужка очков из-за этого упиралась в перевернутую бровь. Я встала почти вплотную к стене, чтобы рассмотреть картину, и оказалось, что она состоит из маленьких квадратиков – как будто авторка взяла лист клетчатой бумаги и закрашивала их по одному, создавая портрет. Это была настолько тонкая работа, что я подумала, что зря приняла ее за рисунок – скорее всего, передо мной была просто обработанная и распечатанная на большом листе фотография. В правом нижнем углу фотографии была подпись, сделанная от руки черной ручкой: «Аля, июнь, 2019». То есть фотография была распечатана совсем недавно.

В выставочную кто-то вошел, и я чуть отошла от стены,

стала внимательно разглядывать какие-то другие рисунки. Справа от меня оказалась невысокая девушка с длинными светлыми волосами, одетая в ярко-розовую худи и спортивные штаны. Я достала телефон и глянула на фотографию в инстаграме – девушка, которую хотела найти Лисетская, была уже в плечах и чуть старше. К тому же у нее был довольно угрюмый вид – моя же соседка улыбалась, разглядывая рисунки. У нее за спиной стояла еще кто-то, но я не могла увидеть эту человека, не оглянувшись.

В телефоне горело сообщение от Мари, и я достала наушники, чтобы его послушать. Делать это в маленькой выставочной комнате мне показалось невежливым, и я вернулась в большой зал, на ходу бросив взгляд на спутниц блондинки. Это были парень и девушка, очень похожие друг на друга – у обоих были длинные черные волосы и одинаковая черная одежда. В отличие от своей спутницы, эти двое больше походили на девушку из инстаграма по стилю, и я подумала, что можно попробовать с ними заговорить, но я пока не успела придумать причины, по которой я могла бы разыскивать модель из инстаграма. Вряд ли был смысл в том, чтобы говорить правду.

В любом случае эти трое не могли выйти из кафе никак, кроме как через основной зал, поэтому я могла подождать их там.

В большом зале все было так же, только Женя, видимо,

докурила и теперь стояла возле барной стойки. Лицо у нее было сосредоточенное и немного грустное. Я раньше считала, что так она выглядит только на фотографиях, а в жизни должна быть более веселой и приветливой, учитывая количество ее социальных проектов, но, по крайней мере сейчас, Женя выглядела довольно неприступной. Тем не менее я была просто обязана к ней подойти. Мой блог в инстаграме был не особенно большой, семьсот с чем-то подписчиц, но достаточный для того, чтобы я ощущала себя Жениной коллегой – у нее подписчиц было всего-то в сто раз больше.

– Здравствуйте, – сказала я, подходя к стойке. – Можно с вами познакомиться?

Женя постучала пальцем по стойке, очень похоже на то, как это делала Лисетская, и я поняла, что она хочет, чтобы я немного подождала. Ее взгляд блуждал по экрану телефона, как будто она пыталась найти отличия на двух одинаковых картинках. С моего роста я могла бы легко заглянуть в экран, но я не стала этого делать – и вообще, все силы у меня уходили только на то, чтобы не развернуться и не убежать. Я только успела порадоваться тому, что переоделась в отеле и теперь выглядела, кажется, чуть старше своих семнадцати.

– Да? – Женя подняла на меня взгляд и улыбнулась. Я тут же протянула ей руку.

– Маруся, – сказала я. – Я из Москвы и у вас впервые.

– Женя. – Она пожала мою руку. – Вы представляете какое-то студ. СМИ или просто?

– Просто, – сказала я. Я могла бы соврать, что учусь в университете, но почему-то мне показалось, что Женя сразу поймет, что я вру. Теперь я могла лучше разглядеть ее лицо – и тут стало понятно, что я как-то неправильно представляла себе ее возраст. Я думала, что ей где-то около двадцати двух, но она была заметно старше.

– Спасибо, что заглянули. – Женя посмотрела куда-то мне за спину. – Рита вам уже все показала?

Я кивнула.

– Хорошо. – Женя еще раз улыбнулась и посмотрела на меня выжидательно.

– Я очень ценю все, что вы делаете, – сказала я. – Спасибо вам.

Женя кивнула, продолжая улыбаться.

– У нас завтра будут поэтические чтения, – сказала она. – Если у вас будет возможность, заглядывайте. Вот там есть афиша.

Она указала на стену, на которой и вправду висел розовый листок размера А4, который я не заметила раньше.

– Спасибо, – сказала я. Женя еще раз кивнула и вернулась к своему телефону.

Я огляделась. Возможно, кто-то из присутствующих была девушкой из инстаграма. Я не представляла, как ее искать, поэтому достала телефон, чтобы изобразить, будто рассеянно листаю инстаграм. Потом, вспомнив про чтения, я подошла к афише. Большую часть листа занимал список по-

эток. Внизу плаката было написано, что про чтения можно подробно прочитать в группе кафе в вк. Я открыла группу, нашла нужный пост – в нем, кроме имен, были еще краткие описания поэток и их фотографии.

Я просмотрела фотографии. Особенно меня привлекли две из них. На одной была изображена пара бритых наголо девушек, стоящих за диджейским пультом. В тексте поста я прочитала: *«Белла и Вита (Касе) – музыкантки, играющие EDM на лучших площадках нашего города. На нашем поэтическом вечере Белла и Вита будут читать стихи, которые граничат с музыкой и ни на мгновение не дадут забыть-ся»*. Музыкантки мне понравились тем, что были совершенно не похожи на остальных поэток, которые в основном были сфотографированы на чтениях. На одной фотографии я даже узнала барную стойку «ИКС» за спиной у черноволосой поэтки.

На второй фотографии, которая меня заинтересовала, был изображен парень. Он стоял боком, и его левая рука лежала на плече у светловолосой девушки, которую я сразу узнала. Волосы здесь у нее были коротко острижены, но это, несомненно, была та самая девушка, которую искала Лисетская. Я прочитала описание: *«Леша пишет и читает стихи про детство. На нашем вечере он будет читать стихи, написанные в соавторстве с Алей, которая тоже пишет о детстве, но никогда не читает свои стихи сама»*.

Я оглянулась на кафе. Можно было просто позвать Алё

и понадеяться, что мне повезет. Вместо этого я осторожно осмотрела всех сидящих на пуфиках и поняла, что Али в зале нет. Зато я заметила Риту, которая только что вошла в зал с чайником в руках.

— Простите. — Я подошла к ней и постаралась улыбнуться как можно более невинно. — Можно вас спросить про чтения?

— Конечно. — Лицо Риты даже не расплылось, а разлилось в улыбке. — Что ты хочешь узнать?

Она подошла со мной к афише и ткнула пальцем в первое имя в списке.

— Соня очень хорошая поэтка, — сказала Рита, — очень современная.

Ее палец опустился ниже.

— Леша. — Рита покривилась. — Он хороший, хотя мне кажется, что он мог бы выступать и на любом другом микрофоне. Но он читает Алины стихи, а они очень хорошие.

— А кто такая Аля? — спросила я.

— Аля... — Рита улыбнулась, — не знаю ее фамилию. Она много времени здесь проводит и пишет такие ностальгические грустные стихи.

— А сегодня она здесь? — спросила я, надеясь, что вопрос не очень подозрительный.

Рита огляделась и покачала головой:

— Я ее сегодня не видела. Но она наверняка будет позже. Или нет. Сегодня что, суббота?

Я кивнула.

– Кажется, они с Лешей и Верой собирались на концерт сегодня, – сказала Рита. – А что?

– Да ничего, – сказала я. – Просто было интересно.

– Ага. – Рита пошла дальше по списку. – Мишель... Не знаю, мне Мишель совершенно не нравится, но Женя почему-то это любит. Я бы на ее месте это не звала. И Ашли тоже туда же. Я вообще против того, чтобы звать в кафе мужчин, но Женя считает, что это делает чтения более инклюзивными.

Я удивленно потянулась к телефону. Кроме Леша, я не видела на фотографиях ни одного мужчины.

– Ева, – Рита постучала пальцем по имени на афише, – Ева волшебная. Чуть старше тебя, но пишет изумительные, очень красивые стихи. Ради нее совершенно точно стоит прийти. Белла и Вита... Не знаю, я еще не слышала, как они читают, но вряд ли что-то приятное. Девушки довольно ветреные, особенно Белла.

Рита дошла до последнего имени в списке.

– Станка, – сказала она, – пфф.

Она помолчала, и я подумала, что она больше ничего говорить не будет.

– Не буду ничего плохого о ней говорить. – Рита вздохнула. – Но не надо думать, что это хорошо представляет наше кафе. Как ты видишь, обычно таких людей у нас тут нет.

Она развернулась и показала на зал, будто дирижерка,

поднимающая руки перед оркестром.

– У вас очень красивое кафе, – сказала я, чтобы сгладить неловкость. Было очевидно, что с этими поэтическими чтениями у Риты связаны какие-то очень странные эмоции.

– Спасибо. – Рита повернулась ко мне. – Ты такая душка. Чаю хочешь?

– Спасибо, – сказала я.

Получив от Риты кружку чая, я нашла пустой пуфик в углу и села слушать сообщения от Мари, которой очень многое хотелось мне сказать.

«Маруся, – Мари звучала чуть грустнее, чем полчаса назад. – Мне тебя не хватает, и я надеюсь, что тебе удастся там найти время со мной еще попереписываться. Я тут с мамой поссорилась, так что сижу у себя. И думаю, что еще сделать к твоему приезду. Что бы ты хотела в своей комнате? И вообще, не знаю. Расскажи, как там твоя жизнь?»

Я осмотрела кафе и стала печатать.

«Прости, – написала я. – Не могу пока говорить, потому что сижу в „ИКС“, но место так себе. Это не пространство без мужчин, и они тут сами не могут решить, как оно должно работать. Я поговорила с Женей Мыльниковой и с Ритой какой-то, они основательницы, и обе не слишком приятные».

– Маруся! – Меня позвали через весь зал, и я вскочила, уронив телефон. Меня звала Рита. Она стояла у открытой двери кафе и призывно махала рукой.

– Иди сюда! – Она широко улыбалась и выглядела очень глупо. На нас смотрели уже все люди в кафе, и я подобрала телефон и поскорее пересекла зал, чтобы это прекратить.

Рита положила руку мне на плечо и подтолкнула к курилке за дверь.

– Аля, – позвала она. – Вот, смотри, эта девочка из Москвы хотела с тобой познакомиться.

Я увидела каких-то удивленных молодых людей перед собой и слышала в ухе голос Риты потише:

– Давай, не стесняйся.

Потом она хлопнула в ладоши, и я оказалась один на один с блондинкой из инстаграма. Мы обе молчали, и я начала медленно приходить в себя. Для начала я ее осмотрела. Аля была ниже меня сантиметров на пятнадцать. На ней была большая серая футболка, которая свисала почти до колен. Под футболкой виднелись такие же серые треники, стянутые резинками на щиколотках. Волосы у нее были коротко острижены, как на фотографии в группе. Еще я заметила белые браслеты у нее на руках, под которыми виднелись какие-то маленькие цветные татуировки. Кроссовки у Али тоже были белые. Вообще, вся ее фигура была светлой, если не считать карих глаз и выкрашенных красноватой хной бровей.

Аля была не одна. Расфокусировавшись, я заметила рядом парня с фотографии. Он был одет почти так же, как и поэтка, только у него на руках не было браслетов, поэтому я

смогла рассмотреть его татуировку – слово «pride», выведенное черным курсивом на левой руке. Под словом был символ, который я не распознала, – знак бесконечности, пересеченный сердцем. Парень стоял ко мне вполоборота, потому что разговаривал с темноволосой девушкой чуть старше меня. Девушка была одета точно так же, как и Аля, только поверх футболки у нее был наброшен бежевый пиджак, широко расходящийся на груди. Все вместе они выглядели как подростки с плаката гитлерюгенд.

– Ты кто? – спросила Аля. Она, кажется, была удивлена не меньше, чем я.

– Маруся. – Я протянула ей руку.

– Аля. – Она пожала мою руку и обернулась к подруге: – Это Вера и Леша.

Вера улыбнулась и махнула мне рукой, на которой я увидела такие же белые браслеты, как у Али, а Леша шутливо поклонился. Я тут же повернулась обратно к Але, чтобы на него не смотреть.

Аля помолчала. Я не знала, что сказать, и поэтому улыбнулась.

– Ты тут в первый раз? – спросила Аля.

Я кивнула.

– Тебе Рита все показала, – сказал сбоку Леша. Это был не вопрос, и я не стала на него реагировать.

– Не обращай на нее внимания, – сказал Леша. – Она дура.

– Леш. – Вера, кажется, взяла парня за руку. – Отстань.

Леша заткнулся.

– Ты что-то ищешь? – спросила Аля. Я решила идти ва-банк. Мне уже совершенно не хотелось выполнять задание Лисетской, поэтому я не особенно боялась, что эти странные люди меня просто пошлют. «ИКС» меня страшно разочаровал, и я хотела поскорее уйти.

– Я фанатка Аркадия Васильевича Белова, – сказала я. – Приехала в Питер, чтобы с ним увидеться.

– А. – Аля кивнула. – Тебя Женя к нам направила.

Я кивнула. Предположение Лисетской оказалось верным – эта девочка была как-то связана с Васильевым, причем в такой степени, что меня могли к ней «направить» по этому вопросу.

– По адресу, – сказала Аля. – Только Аркадия Васильевича сейчас увидеть нельзя. Он в больнице. Ты не слышала?

– Я читала, – сказала я осторожно. – Я надеялась его навестить.

Аля задумчиво покачала головой.

– Прости, – сказала она. – Не знаю, возможно ли это, но я могу спросить Станку.

Это имя я помнила по афише. И помнила, как на него среагировала Рита. Чувствовалось, что я попала в место, в котором есть два разных лагеря. В одном полноватая женщина в цветастом платье, а в другом – отряд черно-белых пионеров.

– Подожди секундочку. – Аля улыбнулась и достала из кармана телефон. Это было не так просто, потому что ей

пришлось задрать длинную футболку.

Я посмотрела по сторонам. Вера и Леша о чем-то увлеченно болтали. Мне очень хотелось спросить кого-нибудь о том, почему здесь находится парень, ведь кафе исключительно для женщин, по крайней мере до позднего вечера, но кроме нас в курилке никого не было. Я достала телефон и стала набирать сообщение Мари.

– Маруся? – спросила Аля. Я совершенно этого не ожидала и снова чуть не выронила телефон.

– Если ты правда хочешь повидать Аркадия Васильевича, это можно устроить. – Аля постучала по экрану собственного телефона. – Станка говорит, что может тебя к нему привести. Но нужно будет поехать прямо сейчас.

Я молчала.

– Нужно, чтобы ты сказала. – Аля повернулась к Леше и Вере, привлекая их внимание. – У нас концерт в одиннадцать. Если Маруся сейчас захочет, то я отвезу ее к Станке, и мы вместе скатаемся в больницу. Я успею к одиннадцати, но вам нужно будет самим найти и взять Киру. О'кей?

Леша поднял перед собой руки.

– Конечно, – сказал он.

– Езжайте. – Вера что-то смотрела в телефоне. – Только не опаздывай.

– А Кира уже тут, – сказал Леша. – Она писала, что зашла с Евой и Мишель.

Аля повернулась ко мне:

– Мы не заходим внутрь, потому что Леше туда нельзя. Мы просто договорились тут встретиться, поужинать и потом пройти до концерта. Ну так что, ты хочешь поехать в больницу?

– Не нужно. – Я хотела сказать, что ей не нужно организовывать мою поездку. Все, что можно было узнать от Васильева, от него и так должна была узнать Лисетская. К тому же я не представляла, что буду говорить при встрече с Васильевым, – я ничего не знала о его работе и совершенно не горела желанием что-то на ходу узнавать. Мысли какого-то старичка о феминизме меня интересовали очень мало.

– Поехали, – сказала Аля. – Его только мы навещаем. Я уверена, что ему будет очень приятно!

Аля была, с запасом, самой интересной девушкой, встреченной мной в кафе. И улыбалась она по-доброму. Я, вообще-то, раньше всегда обращала внимание на красивых девушек, но с тех пор, как мы начали встречаться, если так можно было сказать, с Мари, я как-то совершенно отключилась от социального мира. В Москве у меня не было знакомых, интересующихся феминизмом (если не считать вечно занятой Тани), и мне на самом деле очень не хватало вот такой девушки в жизни.

– Давай, – сказала Аля. – Поехали.

– Ты только не удивляйся, – сказала Аля, – но ты услышишь много странного.

– В смысле? – спросила я. В такси было сумрачно и тесно – переднее сиденье было отодвинуто назад, и мне приходилось прижиматься к нему коленями.

Аля снова улыбнулась. У нее было такое странное лицо – она выглядела угрюмой все время, кроме тех моментов, когда ее лицо вдруг расплывалось самой теплой улыбкой, которую я когда-либо видела.

– Ты пользуешься феминитивами? – спросила она.

– Конечно, – сказала я.

– А почему? – спросила Аля.

– Потому что они точнее определяют реальность происходящего и позволяют мне не поддаваться давлению патриархата, – сказала я.

– Понятно, – сказала Аля. – Ты читала «Лингвистику активизма» Аркадия Васильевича?

– Конечно, – соврала я.

– Ну, тогда ты помнишь там такой фрагмент, – Аля моргнула и вдруг стала читать, будто с листа: – *Активисты создают дискурс, который нарушает существующие структуры социализации. Эти структуры похожи на изнеженных любовников, которым удалось вырваться из шумного*

мира и уединиться на краю вселенной. Каждые их «люблю» и прикосновения естественны и не требуют согласия. Активисты же полицейские, проверяющие документы любовников. Их, активистов, присутствие не вызывает радости. Не может ее вызывать. Если активисты приятны, если их жесты вызывают чувство комфорта и безопасности, то место активизма занимает коррупция. Она не всегда скрывается – наоборот, в загнивающей культуре, в разваливающемся обществе коррупция остается единственным работающим инструментом индивидуальности. У тебя нет выбора вне этой системы.

– Ты это наизусть помнишь?! – Я и не представляла, какой планке мне придется соответствовать, когда назвалась фанаткой Васильева.

– У меня фотографическая память, – сказала Аля. – Но ты помнишь этот фрагмент?

Я задумчиво покивала. Я почти ничего не поняла из сказанного, потому что рассматривала Алино лицо – на время этого монолога оно из угрюмого стало каменным, прямо как у Лисетской.

– У нас принято все время пытаться менять язык, которым мы разговариваем, – сказала Аля. – Такая игра.

– Что-то я пока этого не заметила, – сказала я.

– Потому что я легко переключаюсь, – сказала Аля. – И могу с людьми карамельна разговаривать. А Станка, например, почти не говорит просто по-русски. Это чтобы ты не

удивлялась.

– На каком же языке она говорит? – спросила я. – И почему ее так зовут? Это настоящее имя?

– Это от слова «stan», фанат, – сказала Аля. – И мы уже приехали.

Такси затормозило возле сложноустроенного четырехэтажного дома. Он походил на несколько московских хрущевок, склеенных в лабиринт и обрезанных по последнему этажу. Мы пропетляли по дворам и наконец подошли к обшарпанному подъезду. На металлической двери, поверх облупившейся зеленой краски, кто-то вывел красным баллончиком слово «ЧЁРТ». Аля набрала код на домофоне – две восьмерки, девять, три, ключ и ноль, – и мы оказались внутри дома.

В нос ударил затхлый запах сигаретного дыма. Я бросила курить еще год назад, но мне сразу захотелось почувствовать на губах сигаретный фильтр. Здесь стены будто сочились никотином.

Мы поднялись на последний этаж и оказались перед толстой, может быть дубовой, дверью, которая выпячивалась из стены вытатуированными досками. Каждый сантиметр ее покрывали надписи и рисунки. Они накладывались друг на друга, а иногда неизвестная художница закрашивала старые надписи коричневой краской и рисовала поверх. В глаза сразу бросалась большая белая надпись арабской вязью посере-

дине створки:

Здесь она выглядела не так, как в кафе – мне сразу вспомнились черные флаги одной запрещенной в России организации.

– Наслаждайся, – сказала Аля, опускаясь на ступеньки. Видимо, я была не первой посетительницей, которая замерла перед этим произведением подъездного искусства.

– А вот этого не нужно, – сказала Аля, когда я потянула из кармана телефон, чтобы сфотографировать дверь. – Хочешь запомнить – запоминай словами.

В гостях нужно с уважением относиться к хозяйским прихотям, хотя, конечно, ей было легко говорить. У нее-то, очевидно, не было никаких проблем с памятью. Я же с трудом помнила собственный мобильный телефон. Я постаралась осмотреть дверь очень внимательно.

Посередине створки, чуть выше моей головы, красовалась арабская или стилизованная под арабскую надпись. Прямо от нее, вниз, шла толстая черная лента: «B R I D E S H E A D». Буква «В» была зачеркнута и рядом красовалась красная «Р» того же шрифта. Там же кто-то пририсовала кривые цифры «221», видимо, как отсылку к Шерлоку. Слева от арабской вязи из мешанины букв и узоров выделялся прямоугольник с текстом:

ЗДЕСЬ

УМЕРЛ

АСОНЯ

МАРМЕ

ЛАДОВ-

Под ним красовался рисунок углем: женское лицо в терновом венке с цветками вместо глаз. Присмотревшись, я поняла, что цветки кто-то нарисовала поверх закрытых век. Мое внимание привлек список под картинкой.

СПИСОК ЖЕРТВ СМОТРЯЩЕГО:

1. Станка – Я
2. Аля
3. Женя

Четвертый пункт был закрасен белилами, поверх которых другой рукой было выведено «Кира».

Ниже было еще полтора десятка пунктов («Вера», «Виола», «Лешка», «Мишель»), но они становились все меньше и меньше и последний был совсем не читаем. Рядом с некоторыми именами были рисунки: чертики, ботинки, бабочки. Рядом с «Вера» с трудом втиснулось слово «Православная».

– Кто такой «смотрящий»? – спросила я у Али, которая молча наблюдала с лестницы.

– Сюда. – Она указала на верхний правый угол двери. Я прочитала надпись, выведенную жирным маркером: «ПРОТРИ ХАТУ».

– Что это значит? – спросила я.

– Подумай, – сказала Аля. Ей явно нравилось следить за моими мучениями.

– Звучит как патриархат, – сказала я, сама удивившись собственной догадливости. – Наверное, это вы так переводите «Check Your Privilege».

– Молодец, – сказала Аля. – А «смотрящий» – это главный по хате в тюрьме. Вот мы и есть жертвы смотрящего.

– Интересно, – сказала я. – А кто это придумала?

– Станка. А вот это мое. – Аля указала на маленькие буквы справа от арабской вязи. Я прочитала вслух:

– Сотка с косою придет за тобою.

– Это стихотворение, – сказала Аля. – Простенькое, но Станке понравилось.

– А что такое сотка? – спросила я.

– «Женщина», – сказала Аля. Руками она показала кавычки.

– Понятно, – соврала я, опуская взгляд ниже. Здесь было еще одно лицо, мужское. По бакенбардам я узнала Пушкина. В коричневую древесину на щеках поэта были вписаны маленькие слова «слезы, кровь, любовь», повторявшиеся так часто, что казалось, что лицо изъедено червями. Еще ниже была нарисована фигурка толстого Будды, подписанная «Деревенский Да-Будди-Да-Буддай». Под ней, у самого пола, были вырезаны восемь квадратиков, видимо, изображавших игральные кости. На всех костях было по шесть точек, двадцать четыре справа – красные, слева – черные.

Я осторожно провела пальцем по костям. Краска шелушилась и хрустела.

– Нужно подкрасить, – сказала Аля. По ее задумчивой интонации я поняла, что она читает с двери. После недолгих поисков я заметила возле списка жертв бледную надпись: «Нужно подкрасить». Она, видимо, была нанесена на дверь через трафарет. Я сделала шаг в сторону и вдруг увидела целый слой рисунков и надписей, который до этого казался мне просто фоном к более ярким и новым записям.

Над арабской вязью было выведено курсивом: «The World Is Tired Here». Рядом щурился глаз со знаком плюса вместо зрачка. В центре, за вязью, распластались огромные серые буквы: «БУДЬ-ДСМ». По всему контуру двери шла длинная

надпись, которую в некоторых местах перебивали более новые рисунки, и из-за этого мне не удалось прочесть ее целиком:

«В этом [...] живут люд [...] ым не плевать [...] что [...] сестры живут в [...] и пустыни».

Я попыталась разобрать маленькие значки под словом «пустыни» и увидела еще один слой рисунков – теперь уже сделанных шариковой ручкой. Маленькие четверостишия и цитатки заполняли все пространство между рисунками и надписями побольше.

«Страна – пиздец, народ – говно, – прочитала я, – за дном опять находим дно».

– Черная ручка – это гости, – сказала Аля. – Они обычно пытаются написать что-нибудь вызывающее. Хочешь – могу дать ручку.

Она протянула руку к стене, и я увидела, что в трещине у самых ступенек в нее воткнута черная ручка, обмотанная бумагой.

– Мне пока нечего написать, – сказала я.

– Ничего. – Аля махнула рукой. – Еще напишешь.

– Труд. Смерть. Капитан, – прочитала я вслух. Эта надпись примостилась под ухом у Пушкина.

– Это Станка написала, – сказала Аля. – Она пишет стихи.

– Я догадалась, – сказала я, хотя ни о чем таком даже не думала.

– Молодец. – Аля взглянула на экран телефона и подня-

лась. – Готова идти?

– Да, – сказала я, хотя на двери еще оставалось очень много непрочитанного. – Мы же сюда вернемся?

– Не знаю, – сказала Аля. – Может, если ты захочешь сюда после больницы поехать... Хотя нет, мы же все на концерт пойдем.

– На какой? – спросила я.

Аля толкнула дверь, и та со скрипом открылась.

– Там несколько разных групп. Мы идем ради Ангела Ульянова и Касе. Касе – это наши знакомые музыкантки.

– Белла и Вита, – я решила блеснуть знаниями. Аля уважительно покивала.

– Они классные. – Мы вошли в квартиру, и Аля зашарила по стене в поисках выключателя. В конце длинного пустого коридора загорелась одинокая лампочка.

– Станка? – позвала Аля. – Я с гостьей!

– Воз? – раздалось из глубины квартиры.

Аля окинула меня взглядом.

– Пани сис-сотка фемини илонская, Маруся.

– Е? – спросила квартира. Голос у Станки был хриплый.

– После, – сказала Аля. – Интересеска.

– Здравствуйте, Маруся. – Станка так и не появилась. – Я сейчас оденусь и выйду к вам.

– Смотри-ка, – сказала Аля. – Старается ради тебя.

– В смысле? – спросила я.

– Оденется даже. Могла бы и голой выйти, – сказала Аля.

Я успела испугаться, но она тут же рассмеялась.

– Не бойся, – сказала она. – Я шучу!

Мы прошли мимо нескольких закрытых дверей и оказались в странной, тускло освещенной комнате. В углу, у окна, стоял старый диван с протертой спинкой. Рядом покачивалась дверь на балкон, заваленный черными, перетянутыми полиэтиленом покрывками. Пол комнаты был устлан совершенно новым ковром, который, казалось, скрывал яму-ловушку.

Когда глаза привыкли к полумраку, я заметила, что все стены комнаты заклеены фотографиями формата А3, на которых были изображены человеческие лица. Я подошла к одной из них. Она была напечатана на листе тонкой клетчатой бумаги. Пиксели совпадали с клетками – точно так же, как на портрете Фуко в «ИКС». Только тут я вспомнила, что та фотография была подписана именем Аля.

– Нравится? – спросила Аля.

– Да, – сказала я. – Это ты сделала?

– Я, – Аля хотела еще что-то добавить, но осеклась.

– Не оборачивайся, – раздался у меня за спиной хриплый голос. Я вздрогнула и хотела обернуться, но Аля помотала головой. Она все еще улыбалась, и я не стала пугаться.

– Можно к тебе прикоснуться? – спросила Станка. Она стояла уже совсем близко.

– Не надо, пожалуйста, – ответила я.

– Лана, – сказала Станка. – Тогда можешь обернуться.

Я медленно развернулась и увидела невысокую девушку чуть-чуть старше меня с короткими осветленными волосами, которая, улыбаясь, отступала к стене.

– Привет, – сказала она. У нее было странное и не очень красивое, мальчишеское лицо: узкие губы, широкие скулы. Карие глаза смотрели хитро и грустно. Хотя я была выше Станки сантиметров на двадцать, казалось, что она смотрит на меня сверху вниз, возможно, из-за ее худобы. Из рукава китайского халата, словно щупальца спрута, тянулись соломенные пальцы.

– Здравствуйте, – сказала я, надеясь, что нам не придется жать руки. Станка вызвала у меня необъяснимую неприязнь.

– Я не буду к тебе прикасаться без предупреждения, – сказала она, будто прочитав мои мысли.

– Спасибо, – сказала я.

– Маруся, ты интересуешься Аркадием Васильевичем? – Станка двигалась очень странно. Ее голова повернулась в сторону Али, а потом обратно ко мне, но ее тело в это время оставалось совершенно неподвижным.

– Очень, – ответила за меня Аля. – В такси мы обсуждали «Лингвистику активизма».

Станка посмотрела на меня – на этот раз сдвинулись только ее зрачки. Больше всего она напоминала мне детскую игрушку, змейку, скрепленную из нескольких цветных пирамидок.

– И как? – спросила Станка. Вопрос был явно обращен ко

мне, но Аля снова ответила за меня:

– Здорово.

Я почувствовала, что меня игнорируют, и сказала:

– Меня очень интересуют мысли Аркадия Васильевича.

– Здорово, – повторила за Алей Станка. – Хорошо. Сейчас поедem.

– Тебе что-то нужно собрать? – спросила Аля.

– Я бы переоделась, – сказала Станка.

– Марусь. – Она пощелкала пальцами. – Можно мы тут тебя оставим на пару минут? Или можешь в архиве Аркадия Васильевича подождать, это последняя дверь направо.

– Архив Аркадия Васильевича? – спросила я.

– Ну да, – сказала Станка. – У нас там что-то вроде музейчика. Тебе может быть интересно.

– Хорошо, – сказала я. – Подожду вас там.

В Москве я привыкла, что все время переписываюсь с Мари. Теперь, когда я была ближе к ней, чем когда-либо раньше, я оказалась втянута в такой стрессовый процесс, что все время забывала, что ей нужно отвечать. Чтобы идти по коридору медленнее и не выглядеть подозрительно, я достала телефон и обнаружила от Мари длинное сообщение. Не слушать ее сейчас было бы совсем свинством, учитывая, что она говорила, что поссорилась с мамой, а я даже не смогла ее нормально поддержать. Я достала наушники и включила голосовое.

«Маруся, – Мари звучала устало и грустно, и мне сразу захотелось ее обнять и поцеловать. – Я знаю, что у тебя там важное дело, прости, что отвлекаю. Просто мне тут реально неприятно как-то и очень тебя не хватает, хотя я знаю, что ты скоро приедешь. Пожалуйста, напиши мне что-нибудь, можно очень короткое. Мне просто хочется тебя увидеть или тебя услышать, например. Я хочу тебе сказать, что очень по тебе скучаю, надеюсь скоро тебя увидеть и обнять, прижать к себе и вообще не отпускать никогда. Будем вместе слушать PVRIS и вообще ни о чем не думать. Надеюсь, что ты там интересно и полезно проводишь время и тебя там не обижают разные престарелые лесбиянки».

Я улыбнулась и толкнула дверь, которая должна была вести в архив. Наговаривая ответ Мари, я огляделась.

Это была большая комната с двумя окнами напротив двери, освещенная настенными лампами. Под окнами стояли два стола, на одном из которых располагался стационарный компьютер, а на другом были разложены какие-то документы. Я прикрыла дверь и прошла по комнате.

Слева от столов, у стены, стоял большой и длинный шкаф из «Икеи», весь заклеенный бумагой. Все свободное пространство на нем было исчерчено карандашными надписями и схемами. Я отправила Мари сообщение, открыла инстаграм и отошла к столам, чтобы сравнить шкаф с фотографией Али. Не то чтобы были какие-то сомнения, что имен-

но это и есть пресловутый архив Васильева, – по разговорам с Алей и Станкой это было очевидно. Но я все равно проверила – никаких сомнений. Аля позировала именно в этой комнате.

Противоположная стена комнаты была вся заклеена листами и фотографиями, перетянутыми красными и синими нитями. Рядом с каждой записью была приклеена бумажка с номером. Я открыла шкаф, и оказалось, что цифры на стене соответствуют номеркам на полках шкафа.

Я пересекла комнату и только теперь заметила, что под нитями и листами по всей длине стены тянулась лента, расчерченная на года с 1935 по 2025. Синие нити соединяли документы и записи с этой лентой.

Передо мной раскинулась вся жизнь одного человека – русского эмигранта, критика и писателя, Аркадия Васильевича Белого, которого Эмилия и другие друзья звали Васильевым. Здесь были его фотографии – ребенком, подростком, взрослым. Черно-белые, цветные, поврежденные, засвеченные, подписанные от руки. На одной Васильев стоял с Эмилией и Лисетской перед мостом через Сену. Подпись под фотографией гласила: «*Кентавр, Дневника, Овсянка. Париж, 1962*». На другой Васильев, старше и без усов, сидел у основания большого каменного льва. Фотография была подписана: «*Кентавр. Лондон, 1985*».

Я прошла вдоль стены до точки, отмечавшей 1966 год. Тут были газетные вырезки, посвященные смерти Эмилии,

фотографии с похорон. Тут же висела распечатка какого-то письма. Почерк у Васильева был мелкий, и письмо было написано по-французски, поэтому я с трудом могла его разобрать, не залезая в телефон к словарю. К счастью, рядом висел перевод.

Ева, прости, но нам придется отложить наши ссоры, – прочитала я. – Я только что получил очень странную посылку от нашей Э. Думаю, ты или уже получила такую же, или получишь ее сегодня.

Надеюсь, мое письмо застанет тебя в Нью-Йорке. Или, возможно, если ты получила посылку, то уже пытаешься вернуться в Париж. Никакая обида не должна тебя останавливать. Это именно то, что мы когда-то обсуждали с тобой, – сейчас все наши распри нужно позабыть, потому что мы нужны Э., хотя, я не хочу этого писать, но, возможно, уже поздно. В таком случае мы нужны М., потому что она окажется совсем одна. Я отправляюсь в порт сразу и по дороге отправлю тебе это письмо. Прости меня, прости меня за все так же, как я прощаю тебя.

С любовью,

В.

Письмо было помечено десятым мая. То есть Васильев отправил его за неделю до смерти Эмили. Где-то рядом должно было быть указание на запись из дневника. Я отошла от стены, чтобы было проще рассматривать ее целиком. Почти

сразу я заметила, что плинтус у стены размечен маркером. Над каждой пометкой было что-то написано, и тянулись они от 1955 года до 2020. Последняя метка была без названия – потому что она обозначала книгу Эмили, которая еще не вышла. Рядом был номер: «ЕV1966-2». Я вернулась к шкафу, нашла нужную полку – справа внизу. Среди нескольких объемных папок была втиснутая толстая записная книжка. Она была затянута в пластиковый пакетик, но по вложенной в него бумажке было ясно, что я нашла то, что искала Лисетская. Последний дневник Эмили Е. Q.

Я осторожно вытянула дневник и подвинула папки так, чтобы скрыть место, где он стоял. В квартире было очень тихо, и хруст пластикового пакетика показался мне просто невыносимым. Я засунула книжку в карман худи и поскорее отошла от шкафа. Чтобы чем-то себя занять, я стала осматривать стол, на котором лежали бумаги. Руки немного тряслись, и я даже подумала о том, что могла бы покурить. Это было бы ошибкой, потому что бросать было не так уж просто, поэтому я решила, что сошлюсь на головную боль и отпущусь от поездки в больницу – я чувствовала, что стресса в этом будет слишком много. Надо было позаботиться о себе. К тому же теперь я, в общем-то, могла просто сбежать – было совершенно не важно, что обо мне подумают жительницы этой квартиры.

Я взяла со стола толстую белую тетрадку, открыла ее на первой попавшейся странице. Это был рукописный дневник

на русском языке. На внутренней стороне обложки было написано:

Будда из пригорода.

Ханиф Курейши в соавторстве с...

2009 – ...

Имя соавтора было зачеркнуто и поверх простым карандашом было приписано: «о Станкой». Дата окончания текста или процесса работы тоже была зачеркнута, причем несколько раз. То есть кто-то зачеркивала год, писала новый, и потом снова зачеркивала, и снова писала.

Я не знала, кто такой Курейши, но у меня не было никаких сомнений, что передо мной личный дневник Станки. Возможно, Курейши был ее псевдонимом с фикбука – она походила на женщину, которая пишет фанфики.

Я оглянулась на дверь и перелистнула несколько страниц.

«Не знаю, что делать. Вчера я писал, что чувствую себя хорошо, но это было ошибкой. Я чувствую себя отвратительно. Снова крики и ссоры дома. Антон просто невыносим. И вообще все невыносимы. Вчера я еще думал, что...»

Я открыла дневник в другом месте:

«Мы снова на даче. Ебал я дачу».

Я пролистала до середины. Здесь почерк был мельче, а текст походил на мои конспекты с уроков истории:

«женщина – соц. сущ. по опр. франк седжжв... пиш. что / вет воз?

акт. яз. тер. иф им. эф. вена пер. быть яз. тер.

видел сегодня а. и к. фигня. вес? словарь language, ланг-важ, ланг. важ. словарики».

Мне стало интересно, сохраняется ли мужской род и дальше в тексте. Я нашла страницу, помеченную сентябрем две тысячи восемнадцатого. Меньше года назад. Здесь тоже было много сокращений, но текст был более читаемым:

«подарок жене? аля: еще денег на кафе. кира: одежда? винишка?

леша и вера сказали, чтобы я ничего не дарил, а задумался о себе.

я подумал. аля права? надо дать денег. напишу антону завтра. что то сделаем. еще чтения в пт., поставил в календарь. что еще?»

Я осторожно закрыла книжку и поскорее отошла к стене с нитками, потому что в коридоре раздались шаги.

– Прости. – В архив вошла Аля. – Мы готовы.

Она успела накраситься. Ее лицо стало гораздо светлее, а губы и брови стали ярче и краснее.

– Я еще круги на щеках нарисую, – сказала Аля, заметив,

что я ее разглядываю. – Но в больницу так было бы странно ехать, да?

– Пожалуй, – сказала я. В коридоре за спиной у Али появилась Станка. Она не стала заходить в комнату, поэтому я не могла разглядеть ее одежду. Только заметила, что это было что-то темное – не серая униформа Али, Леши и Веры.

– Подём, – сказала она. – Пора.

Ее хриплый голос меня снова удивил, и когда мы вышли на лестничную площадку, я попыталась заглянуть ей в лицо. Я не успела ее особенно рассмотреть в квартире, потому что все происходило слишком быстро, и мне приходилось фиксировать реальность очень общими штрихами. Станка, как будто подслушав мои мысли, остановилась и выловила из кармана телефон.

– Стоп. – Она подняла ладонь. – Алло?

Аля остановилась, с тревогой глядя на Станку. Та что-то внимательно слушала в телефоне, и я смогла наконец ее рассмотреть.

Лицо у нее было странное – мне не зря показалось вначале, что у нее какая-то мужская внешность. У нее не только скулы, но и подбородок был широкий. Вообще, если бы не одежда – а Станка была в чем-то вроде короткого платья, – я бы легко приняла ее за мальчика.

Станка прикрыла телефон ладонью и повернулась к нам:

– Извините. Подождите здесь, ладно?

Аля кивнула, я последовала ее примеру. Станка пошла

вниз по лестнице. Аля села на ступеньки, а я стала разглядывать дверь, раз уж выдалась такая возможность. Теперь, когда мы вышли из квартиры, я перестала все время бояться, что кто-то из них сейчас пойдет проверять шкаф с документами, и поэтому смогла немного расслабиться. Нужно было, конечно, написать Мари, но я понимала, что тогда правильно будет не просто написать, а немного с ней поболтать.

Я стала разглядывать те места дверной створки, которые в прошлый раз показались мне пустыми пятнами, и сразу же заметила замысловатый узор, покрывающий дверь от верхнего левого угла до нижнего правого. Кажется, это была надпись латиницей, в которой некоторые буквы затерлись до такой степени, что прочитать ее было невозможно. Зато я нашла еще один рисунок – совсем бледный календарь, в котором название каждого месяца сопровождалось несколькими цифрами – только месяц март был зачеркнут и даже не подписан. Под календарем желтели два слова: «марта, нет».

Вообще, наверное, дверь надо было разглядывать в цветных очках, потому что она больше всего напоминала мне одну из тех картинок, на которых люди с нарушением цветовосприятия не могут найти спрятанные цифры. Я заметила, что среди всего нарисованного есть отдельные кусочки темно-фиолетового, но они никак не желали складываться в общую картинку.

– Что-то случилось, – сказала Аля.

– Что? – Я обернулась.

– Что-то случилось, – повторила Аля. – Или в кафе, или с Аркадием Васильевичем. Станка по телефону говорит только со мной и Кирой. С Кирой она бы говорила на варсло. Раз она говорит по-русски, значит, это кто-то незнакомый или Женя.

– Женя? – спросила я. – Женя Мыльников?

– Ну да, – сказала Аля. – Они давно знакомы. Станка помогла Жене с запуском «ИКС». Да и до этого помогала.

Сложно было представить, что эта странная девушка, живущая в квартире, напоминающей советскую коммуналку, совмещенную с советской же библиотекой, могла как-то помочь Жене Мыльниковой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.